Князь У...

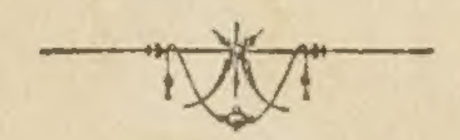
Император Николай II.

1994 г.

La vie et les gestes de NICOLAS II

Князь У...

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ II
ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ
ВѢНЦЕНОСНАГО ЦАРЯ

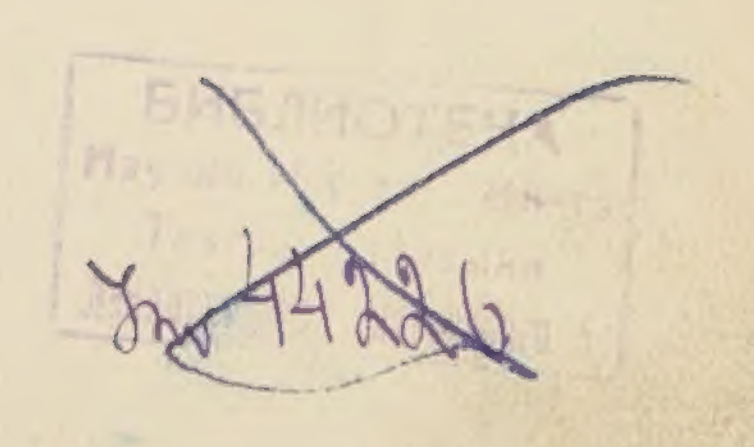
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ДЛЯ КОНТИНЕНТА
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Я. Е. КЛЕЙДМАНА
NICE 7, RUE COTTA.

IMPRIMERIE RUSSE
NICE = 7, RUE COTTA = NICE

ВОСПИТАНІЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМАНОВА

ВОСПИТАНІЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РОМАНОВА

Николай Александровичъ Романовъ родился подъ счастливою звѣздой. Ему суждено было получить въ наслѣдство имѣніе, называемое «россійская имперія», съ 150-ью милліонами «душъ» жителей, со множествомъ угодій, дворцовъ, замковъ и денегъ въ банкахъ. Оффиціально такой наслѣдникъ называется наслѣдникъ-цесаревичъ или просто цесаревичъ, Онъ же будущій „вѣнценосецъ“.

Воспитаніе всѣхъ вѣнценосцевъ, вообще, бываетъ скверное. Придворная жизнь окружаетъ ихъ туманомъ раболѣпства и безстыдной лести, который не способенъ вырастить цѣльныхъ натуръ съ здоровымъ взглядомъ на жизнь. Подтакая съ дѣтства каждому капризу будущаго монарха, придворные приживальцы вселяютъ въ него излишнее самомнѣніе и вредное упорство.

Въ западно-европейскихъ конституціонныхъ странахъ будущія главы государства, благодаря посѣщеніямъ университета и болѣе свободному общенію съ людьми, могутъ впослѣдствіи нѣсколько трезвѣе смотрѣть на вещи. Но въ самодержавной Россіи это не допускается, и наслѣдникъ—цесаревичъ со своимъ малымъ научнымъ багажемъ и большимъ запасомъ предразсудковъ вступаетъ на престолъ своихъ предковъ. Поэтому между россійскими самодержцами такъ много самодуровъ.

Китайскій богдыханъ считается всевѣдущимъ, и роль министровъ, по воз-

зрѣніямъ китайцевъ, заключается только въ томъ, что они „напоминаютъ" императору то, что онъ самъ знаетъ лучше всѣхъ другихъ. Русскіе богдыханы, или вѣнценосные императоры, не дошли до всевѣдѣнія, но во всякомъ случаѣ они считаютъ себя настолько умными, что просвѣщеніе является для нихъ лишнимъ балластомъ. Самое важное для нихъ — помазаніе. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ, Николай Александровичъ Романовъ, онъ-же Николай II-ой, не получилъ достаточнаго образованія. Онъ записался въ военную службу и дослужилъ до чина полковника, въ какомъ и теперь считается. Служба его, разумѣется, заключалась только въ томъ, что онъ носилъ опредѣленный мундиръ и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства былъ записанъ въ число гвардейскихъ офицеровъ. Къ военнымъ наукамъ онъ, очевидно, не питалъ большихъ симпатій. Это было бы еще полбѣды, если бы престолонаслѣдникъ заполнилъ этотъ пробѣлъ болѣе достойными знаніями по

вопросамъ государственной жизни. Но онъ не занимался и государственными дѣлами. Самъ онъ ими не интересовался, а люди, которымъ надлежало заботиться о развитіи юноши, не считали этого необходимымъ. Политическимъ воспитаніемъ будущаго самодержца руководилъ Побѣдоносцевъ. По убѣжденіямъ крайній ретроградъ и убѣжденный монархистъ, онъ односторонне придерживался старыхъ формъ, не вступая ни въ какіе компромиссы съ духомъ времени. Понятно, какое вліяніе могла имѣть такая цѣльная и убѣжденная натура на слабохарактернаго наслѣдника престола, которому достаточно было подпасть подъ то или другое вліяніе, чтобъ его взгляды, мечты и планы разлетались, какъ мыльные пузыри. Окружающіе Николая II-го и современники говорятъ, что онъ всегда былъ сентиментальнымъ мечтателемъ и мнилъ, что онъ созданъ для чего-то „высокаго", идельнаго, хорошаго...

Озабоченный слабостью и болѣзненнымъ состояніемъ престолонаслѣдника,

отецъ его Александръ III призвалъ одного знаменитаго нѣмецкаго профессора и поручилъ ему изслѣдовать юношу. Профессоръ откровенно сообщилъ царю, что на улучшеніе здоровья юноши невозможно разсчитывать, пока онъ не перестанетъ предаваться извѣстному пороку. За такую откровенность профессоръ получилъ увѣсистую пощечину отъ царской руки. Тѣмъ не менѣе Александръ III принялъ къ свѣдѣнію профессорскія слова и смотрѣлъ сквозь пальцы на амурныя похожденія сына, которыя не заставили себя ждать, какъ только послѣдній началъ возмужать.

Царственные родители хотѣли только направить его страсти безъ ущерба для своего птенца и безъ посрамленія его высокаго положенія. Выборъ предмета страсти не представляетъ большихъ затрудненій; самый предметъ, на который падаетъ выборъ, не оказываетъ неумѣстнаго сопротивленія; а воспитатели жаждущаго любви юноши, посѣдѣвшіе на государевой службѣ генералы и тай-

ные совѣтники, искусно руководятъ его сближеніями, заботясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы завязываемыя имъ связи могли быть легко прекращены, когда царевичу придетъ пора подумать о заключеніи законнаго брака съ какой нибудь иностранной принцессой, избранной ему въ супруги отцомъ по разнымъ политико-семейнымъ соображеніямъ.

Одной изъ первыхъ страстей молодаго цесаревича была M-lle Мятлева. Вращавшаяся въ придворныхъ кругахъ, госпожа Мятлева, изъ хорошей, но раззорившейся дворянской фамиліи, имѣла очень разбитную дочку.

Во время сезона 1888 года было замѣчено, что томные глаза наслѣдника престола чаще всего останавливались на M-lle Мятлевой, и что въ ея присутствіи этотъ замѣчательно апатичный юноша обнаруживалъ несомнѣнные признаки томленія. Царица это замѣтила и имѣла съ maman Мятлевой конфиденціальную бесѣду. Однимъ изъ послѣдствій этой бесѣды была покупка попе-

чительствомъ призрѣнія слѣпыхъ извѣстныхъ мятлевскихъ дачъ, находившихся по петергофскому шоссе, за 300.000 рублей, тогда какъ красная цѣна имъ была 100.000 рублей.

Въ своихъ амурныхъ похожденіяхъ наслѣдникъ имѣлъ спутникомъ своего дядю, великаго князя Сергѣя Александровича, успѣвшаго въ короткое время совершенно развратить будущаго русскаго царя. Въ Петербургѣ не было ни одного великосвѣтскаго притона, ни одной высокопоставленной проститутки, гдѣ нельзя было встрѣтить молодаго наслѣдника. Почти ежедневно онъ съ Сергѣемъ устраивали вакханальныя оргіи, которыя гремѣли на весь Петербургъ, и часто случалось, что гвардейскіе офицеры доставляли его домой въ безчувственно пьяномъ видѣ.

Къ этому времени относится его романъ съ красивой артисткой полькой Кшешинской. Связь была довольно продолжительная, но когда она сдѣлалась извѣстной въ широкихъ кругахъ, наш-

лись добрые люди, которые донесли Александру III-му, что его сынъ живетъ съ полькой... Александръ III, помѣшавшійся на православіи, пришелъ въ ужасъ и рѣшилъ принять надлежащія мѣры, чтобы прекратить безпутство сына. На семейномъ совѣтѣ рѣшено было женить его на нѣмецкой принцессѣ, а артистку выслать изъ Петербурга административнымъ порядкомъ. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ Кшесинской было передано для исполненія Петербургскому оберъполиціймейстеру ген. Грессеру. Когда послѣдній явился съ приказомъ къ танцовщицѣ, та пригласила его въ будуаръ, гдѣ находился наслѣдникъ цесаревичъ. Николай вырвалъ изъ рукъ Грессера приказъ, разорвалъ его и указалъ оберъполиціймейстеру Петербурга на дверь...

Случается однако, что связи этого рода твердѣютъ, такъ что требуется усилія, чтобы порвать ихъ въ тотъ моментъ, когда изъ необходимой гигіенической прелюдіи къ браку онѣ обращаются въ помѣху. Средства разрывать такіе за-

тянувшіеся узлы выработаны традиціей и обыкновенно оказываются дѣйствительными; но съ цесаревичемъ на этотъ разъ случилось нѣчто несовсѣмъ обычное. Привязавшись къ предмету своей временной страсти всѣми силами своей не по лѣтамъ развитой физической организаціи, онъ оказалъ такое сопротивленіе обычнымъ пріемамъ потушить ее, что самые опытные въ этомъ дѣлѣ менторы стали въ тупикъ, и оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ „сильно-дѣйствующему" средству — къ путешествію. И вотъ рѣшено было охладить пылъ цесаревича кругосвѣтнымъ путешествіемъ, вслѣдствіе чего ему пришлось выступить въ роли любознательнаго туриста и пытливаго наблюдателя народовъ и странъ міра.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЦЕСАРЕВИЧА

ПУТЕШЕСТВІЕ ЦЕСАРЕВИЧА

„Высокій“ путешественникъ отправился въ путь и въ газетахъ стали появляться оффиціальныя реляціи о его путешествіи. Чѣмъ болѣе длилось путешествіе, тѣмъ длиннѣе становились реляціи, тѣмъ болѣе чувствовалось, что въ нихъ чего-то, и при томъ самаго интереснаго, не достаетъ. Въ классическомъ стилѣ оффиціальнаго живописанія онѣ повѣствуютъ намъ о природѣ странъ, посѣщенныхъ цесаревичемъ; рисуютъ пейзажи Индіи, виды ея горо-

довъ и храмовъ; передаютъ всѣ подробности обстановки пировъ, устроенныхъ въ честь цесаревича; разсказываютъ, какъ его чествовали, какія ему дѣлали встрѣчи, говорили привѣтствія, какія зданія и мѣста онъ посѣщалъ,—и только о томъ, что дѣлалъ и говорилъ самъ цесаревичъ, нѣтъ ни одного слова. Его водятъ изъ мѣста въ мѣсто, онъ присутствуетъ на пирахъ, слушаетъ, двигается, поднимаетъ, когда слѣдуетъ, руку съ бокаломъ; но вездѣ онъ является лицомъ безъ рѣчей, и эта нѣмая подвижность его, среди пестроты и гама кипящей вокругъ него жизни, производитъ странное впечатлѣніе: кажется, что вмѣсто цесаревича и будущаго монарха возятъ автомата. Но было бы несправедливо складывать всю вину этого впечатлѣнія на обезличивающія свойства литературы нашихъ оффиціальныхъ реляцій, такъ какъ то-же самое впечатлѣніе внушается и корреспонденціями иностранныхъ газетъ, разсказывающими о путешествіи цесаревича. И тамъ и здѣсь

это все та же личность безъ лица и высокій титулъ безъ содержанія. Одно изъ двухъ: или все, что онъ видитъ, не производитъ на него никакого впечатлѣнія, или эти впечатлѣнія не пробуждаютъ въ немъ никакого душевнаго движенія и ничѣмъ не шевелятъ его дремлющаго разума. Кажется, что онъ даже скучаетъ, что ему не по себѣ среди чужихъ людей, въ непривычной и чужой для него обстановкѣ, и между тѣмъ, какъ его стараются развлечь, онъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отбыть скучную обязанность высокаго гостя и возвратиться домой, въ свое общество, къ своимъ обычнымъ развлеченіямъ и занятіямъ. Возвратиться домой, во время морскаго путешествія, это значитъ возвратиться на свой корабль. Какъ же проводитъ время, что дѣлаетъ цесаревичъ во время пребыванія на этой своей пловучей родинѣ?

Оффиціальныя реляціи не дадутъ намъ никакого интереснаго отвѣта и на этотъ вопросъ; но за то въ иностранныхъ газетахъ встрѣчаются уже сообще-

нія, рисующія нѣкоторыя черты личности цесаревича, хотя и вскользь, но все таки съ достаточной опредѣленностью. Англійскія газеты, напримѣръ, сообщали, что во время путешествія цесаревича на кораблѣ „ПАМЯТЬ АЗОВА“ произошло серьезное столкновеніе между капитаномъ этого парохода и сопровождавшимъ цесаревича княземъ Барятинскимъ. Этотъ послѣдній, сообразуясь съ желаніемъ цесаревича, отдавалъ разныя приказанія пароходной командѣ, а управляющій пароходомъ, капитанъ Ломанъ, запретилъ ей исполнять ихъ, давъ понять своимъ пассажирамъ, что никто кромѣ него, не имѣетъ права распоряжаться на кораблѣ. Говорятъ, что вслѣдствіе этого столкновенія, въ командѣ начали даже обнаруживаться попытки къ возмущенію, прекращенныя энергичнымъ капитаномъ. Въ этихъ сообщеніяхъ личность царевича уже является въ новомъ и неожиданномъ освѣщеніи. Передъ нами уже не автоматъ, а недисциплинированный юноша, который вмѣстѣ со своими то-

варищами приводитъ своими капризами въ отчаяніе капитана, ведущаго его пароходъ.

Сдержанный до безличія въ гостяхъ, онъ освобождается отъ всякой сдержки дома и своимъ поведеніемъ не мало напоминаетъ купеческаго сына стараго покроя, съ его рѣзкими переходами отъ безличной скромности къ необузданной развязности.

Воспитаніе, данное цесаревичу, какъ видно, не вселило въ него даже простаго умѣнія владѣть собою, а къ тому же, какъ увидимъ ниже, оно не оказало никакого благотворнаго вліянія и на его вкусы. Извѣстно, что другой „высокій путешественникъ", вел. князь Георгій, разстался съ цесаревичемъ въ Индіи и возвратился домой, не окончивъ своего путешествія, съ разбитой грудью и разстроеннымъ здоровьемъ. Лицо, имѣвшее полную возможность знать обстоятельства дѣла, разсказываетъ слѣдующее о причинахъ болѣзни великаго князя: наслѣдный греческій принцъ и вел. князь Ге-

оргіи держали пари, кто изъ нихъ заберется выше на мачту корабля. Греческій принцъ, благодаря своей силѣ и ловкости, легко выигралъ пари, а великій князь Георгій, далеко не дюжій молодой человѣкъ, поднявшись на небольшую высоту, оступился и тяжело ударился спиною о пароходную палубу.

Великій князь Георгій едва не умеръ въ Индіи отъ послѣдствій неудачной гимнастики, а цессаревичъ чуть не погибъ въ Японіи подъ сабельными ударами полицейскаго чиновника. Много было толковъ и въ Россіи и заграницей объ этомъ послѣднемъ событіи, и подъ первымъ впечатлѣніемъ заговорили, разумѣется, о революціонерахъ. Явились сообщенія, что уже во время путешествія цесаревича въ Индіи за нимъ всюду слѣдовала по пятамъ группа какихъ то таинственныхъ личностей, очень ловко ускользавшихъ отъ надзора англійской полиціи; что эти самые таинственные незнакомцы замѣчены были будто бы и въ Японіи, почему-де и не можетъ быть никакого сомнѣнія,

что покушавшійся на жизнь царскаго сына японецъ—ничто иное, какъ переодѣтый агентъ общества русскихъ странствующихъ революціонеровъ. Скоро всѣ эти призраки разстроеннаго воображенія разсѣялись; вмѣсто переодѣтаго революціонера оказался дѣйствительный японецъ, покушеніемъ котораго руководила, какъ говорятъ, фанатическая ненависть къ иностранцамъ. Говорили, что цесаревичъ со своими легкомысленными товарищами не отнеслись съ должнымъ уваженіемъ къ разнымъ почитаемымъ мѣстамъ японскихъ буддистовъ. Одинъ изъ служащихъ въ пароходной компаніи „Лондонъ-Токіо“ утверждаетъ, что японскій народный фанатизмъ не игралъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли: Въ моментъ покушенія на жизнь цесаревича, говоритъ онъ, я находился въ Токіо и могу сказать, что если истинные мотивы покушенія до сихъ поръ хранятся втайнѣ, то причина этого обстоятельства заключается вовсе не въ предполагаемомъ оскорбленіи цесаревичемъ японской свя-

тыни, а просто въ томъ, что оглашеніе ихъ слишкомъ рѣзко обнаружило бы мстительный характеръ японской знати и тяжело скомпрометировало бы самые высшіе классы этой страны. Все дѣло въ томъ, что цесаревичъ принялъ приглашеніе одного изъ аристократовъ Токіо посѣтить его; но въ то время когда онъ уже отправился въ Токіо, онъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ другого знатнаго японца, свернулъ съ дороги и сдѣлалъ ему визитъ раньше перваго, который увидѣлъ въ этомъ тяжелое оскорбленіе, требующее мести, и нанялъ человѣка, обязавшагося убить цесаревича".— Японскій корреспондентъ «Morning Post» даетъ слѣдующія подробности этого происшествія: Тсуда Санцо, полицейскій агентъ, поставленный въ рядъ съ другими для охраны по улицѣ Кокаросака Мачи, нанесъ двѣ раны цесаревичу, который, соскочивъ съ носилокъ, ударился бѣжать. Убійца пустился за нимъ. Но одинъ изъ носильщиковъ сшибъ съ ногъ послѣдняго, а другой носиль-

щикъ нанесъ лежачему убійцѣ саблей нѣсколько тяжелыхъ ранъ. Въ этомъ положеніи и арестовали Тсуду Санцо.

Губернаторъ изъ Оки, сопровождавшій цесаревича бросился съ своихъ носилокъ къ высокому гостю и отвелъ его въ сосѣдній домъ, гдѣ была подана первая помощь. Раны оказались не опасными, такъ что цесаревичъ въ тотъ же день возвратился въ Кіото. Корреспондентъ сожалѣетъ о случившемся и сознается, что въ Японіи дѣйствительно существуетъ значительное меньшинство, которое недружелюбно смотритъ на иностранцевъ. Самъ Тсуда Санцо, рьяный патріотъ, мотивировалъ свой поступокъ тѣмъ, что русскій князь изучаетъ Японію въ стратегическомъ отношеніи, чтобы впослѣдствіи напасть на нее вооруженной силой; потому онъ и рѣшилъ предупредить войну и спасти отечество.

Изъ приведеннаго выясняется одно, а именно, полное отсутствіе какого бы то ни было русскаго революціоннаго элемента въ этой японской исторіи.

По заранѣе начертанной программѣ путешествіе цесаревича должно было завершиться въ Сибири актомъ государственной прозорливости или христіанскаго милосердія къ ссыльнымъ и каторжнымъ. Этого требовали обычай и приличія, и на кого бы, казалось, и слѣдовало болѣе всего излить эти милости, какъ не на разрядъ „политическихъ", преступленія которыхъ обыкновенно вызываются преступленіями самаго правительства, и которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются жертвами бюрократическаго произвола, исключительныхъ судовъ и феноменальнаго безчеловѣчія мѣстной администраціи. Конечно, никакія „милости" не истребятъ гнетущаго впечатлѣнія гнусныхъ актовъ этого безчеловѣчья, но широкая и искренняя амнистія привлекла бы въ Россіи и за границами ея не мало симпатій къ личности цесаревича и связала бы, можетъ быть, съ его именемъ надежды на лучшее будущее. Въ этомъ заключался личный интересъ цессаревича, но подобныя сообра-

женія были чужды отцу его: провозглашенныя имъ милости, по случаю возвращенія его сына изъ далекаго странствованія, носятъ на себѣ всѣ признаки вынужденнаго поступка человѣка, который старается одной рукой взять обратно то, что дастъ другая. Эта, такъ называемая, амнистія менѣе всего касается политическихъ и по своей неискренности, невразумительности и запутанности свидѣтельствуетъ ясно только о томъ, что все дѣло распредѣленія помилованій и облегченій зависитъ отъ представителей низшихъ административныхъ инстанцій, которые являются истолкователями этого крючковатаго продукта нашего правительственнаго іезуитизма. Таковы сужденія, которыя вызывались въ Россіи этимъ актомъ, торжественно завершившимъ путешествіе цесаревича. Что же касается до впечатлѣнія, вызваннаго имъ заграницей, то оно довольно опредѣленно характеризуется слѣдующимъ отзывомъ одной французской газеты умѣреннаго политическаго лагеря: „послѣ случив-

шагося въ Токіо цесаревичъ не захотѣлъ продолжать поѣздки по Японіи и, отказавшись отъ посѣщенія Токіо и Йокогамы, направился въ страну своего отца, восточныя границы которой почти соприкасаются съ Японіей. Ступивъ на почву Сибири, онъ изъ простого туриста обратился въ сына повелителя громадной имперіи и въ этомъ качествѣ долженъ будетъ совершить нѣсколько офиціальныхъ актовъ. Во первыхъ онъ будетъ участвовать при заложеніи перваго рельса громадной сибирской желѣзнодорожной линіи, которая явится со временемъ продолженіемъ великаго пути отъ Канады до Восточнаго Океана. Во вторыхъ, ему предстоитъ совершить дѣло, которое въ настоящее время еще болѣе интересуетъ жителей Сибири, и которое онъ, какъ слѣдовало бы ожидать, выполнитъ со свойственной его возрасту радостной готовностью дѣлать счастливыми окружающихъ его людей или, по крайней мѣрѣ, облегчить ихъ страданія, а именно—дѣло помилованія несчастныхъ осужденныхъ

и сосланныхъ въ холодныя пустыни этой полярной страны. Это дѣло милосердія, конечно, будетъ для него лучшимъ изъ всѣхъ воспоминаній всего его путешествія. Такъ оно естественно предполагать. Всматриваясь, однако же, въ оффиціальныя выраженія этой частичной амнистіи, съ сожалѣніемъ видишь, что она болѣе относится къ обыкновеннымъ уголовнымъ преступникамъ, чѣмъ къ политическимъ. Это очень жаль, и подобное распредѣленіе милостей слишкомъ уже ярко напоминаетъ тѣ отдаленныя времена, когда въ противность господствующимъ нынѣ обычаямъ, политическія преступленія являлись единственными дѣяніями, для которыхъ не было ни убѣжища, ни пощады, ни аппеляціи. Между тѣмъ, какъ современныя европейскія государства, въ заключаемыхъ трактатахъ о выдачѣ преступниковъ, высказываютъ такую снисходительность къ покушеніямъ на безопасность государства или власть государя, въ прежнія времена они преслѣдовались съ исключительной суро-

востью и служили предметомъ особыхъ предупредительныхъ мѣръ. Когда Пилатъ предлагалъ евреямъ освободить къ празднику Пасхи невиннаго человѣка, котораго привели къ нему и распять вмѣсто него Варраву, евреи отвѣчали ему единодушнымъ крикомъ: отдай намъ Варраву, простого разбойника и распни того, который дерзаетъ именоваться царемъ нашимъ. Эта точка зрѣнія среднихъ вѣковъ, которая продержалась впродолженіе всего XVIII столѣтія и исчезла только послѣ 1830 года. Но она еще всецѣло господствуетъ въ Россійской имперіи, составляя одинъ изъ многихъ пунктовъ, которыми восточная цивилизація этого государства отличается отъ нашей. И хотя въ настоящее время намъ часто приходится слышать исполненіе русскаго національнаго гимна, чередующагося съ Марсельезой, но надо еще нѣсколько подождать, пока и между умами обѣихъ націй установится какая нибудь гармонія".

Какъ видно, личность цесаревича,

какою она высказалась во время его путешествія, не произвела никакихъ отрадныхъ впечатлѣній ни въ Россіи, ни заграницей. Передъ нами прошелъ образъ юноши, поражающаго своимъ апатическимъ отношеніемъ ко всему, что было въ его поѣздкѣ поучительнаго и серьезнаго, и проявившаго нѣкоторую самостоятельность только въ кругѣ своихъ интимныхъ развлеченій...

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III
И ДЕБЮТЫ
НИКОЛАЯ II

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III И ДЕБЮТЫ НИКОЛАЯ II.

20-го Октября 1894 года скончался Александръ III послѣ продолжительной болѣзни почекъ. Эту болѣзнь пользовавшіе его доктора объясняли серьезными внутренними поврежденіями, полученными царемъ въ Боркахъ при „чудесномъ спасеніи“ отъ крушенія. Сброшенный съ насыпи въ глубокій ровъ, Александръ III былъ вытащенъ изъ подъ обломковъ вагона блѣдный, какъ по-

лотно. Хорошо умѣя владѣть собою, онъ легко скрылъ отъ окружающихъ жгучую боль въ помятыхъ бокахъ; но онъ не могъ скрыть послѣдствій, которыя не замедлили явиться осложнить состояніе больнаго и привести его къ могилѣ.

Два года до смерти царь заболѣлъ инфлуэнціей, которая пала на подготовленную почву и съ тѣхъ поръ его здоровье быстро шло подъ гору. Состояніе здоровья Александра III-го скрывали, и это конспирированіе долго не проникло за стѣны дворца. Всѣ знавшіе и видѣвшіе царя въ этотъ періодъ не ошибались на счетъ существа дѣла, а смерть все больше и больше окутывала чернымъ флеромъ прямаго виновника тяжелыхъ годинъ Русской земли. Онъ замѣтно измѣнился, похудѣлъ, сталъ золъ и мстителенъ. Его нервозность, нелюдимость, подозрительность и необычайныя усилія самому лично обнять всѣ мелочи реакціонной системы усиливались и наконецъ достигли той степени, какая характеризуетъ маніака. Однимъ изъ его

самыхъ больныхъ мѣстъ была революціонная партія, которую онъ никогда не забывалъ и слово „конституція“, котораго онъ боялся болѣе всего на свѣтѣ. У приближенныхъ явилась даже дерзкая мысль удалить больнаго царя на такое разстояніе отъ Петербурга, чтобы личное участіе его въ управленіи стало физически невозможнымъ. Для пробы было избрано Бѣловѣжье, затѣмъ Спала, потомъ Ливадія. Былъ даже проэктъ перевезти его на островъ Корфу. Больной царь противился этимъ совѣтамъ, но, изнуряемый безсонными ночами, все чаще впадалъ въ забытье и терялъ свою желѣзную волю. По прибытіи въ Спалу, къ нему былъ вызванъ профессоръ Захарьинъ, для котораго предсказать роковой конецъ было вещью далеко не сложной. Заключеніе Захарьина произвело при дворѣ большой переполохъ и изъ Берлина былъ вызванъ на консультацію профессоръ Лейденъ. Но и этому знаменитому ученому не пришлось сказать ничего утѣшительнаго, ибо въ концѣ

концовъ и онъ подтвердилъ діагнозъ профессора Захарьина. Передъ отъѣздомъ изъ Спалы профессору Захарьину было поручено, сказать царю правду относительно положенія его болѣзни, и тѣмъ самымъ дать возможность приготовиться къ скорой и неминуемой развязкѣ съ жизнью.

Александръ III былъ пораженъ словами Захарьина и перенесъ на роковаго вѣстника то враждебное чувство, которое питалъ къ возможности конца своему царствованію. Трагедія изо дня въ день развивалась: цѣлыя тринадцать лѣтъ трепетать за жизнь, бороться противъ невѣдомой опасности, иногда дѣйствительной, но больше воображаемой, почти всегда возможной, въ виду упрямо развиваемой политики свинцоваго гнета; бороться всѣми средствами, которыя могутъ быть въ рукахъ самодержца, — и вдругъ выслушать неумолимый смертный приговоръ изъ устъ жреца науки, которую онъ гналъ, презиралъ и попиралъ всю жизнь своими царскими ногами!

Наконецъ состояніе здоровья больного заставило увезти его въ Крымъ, въ Ливадію. Имѣніе Ливадія съ паркомъ занимаетъ площадь въ 300 десятинъ и расположено въ чудномъ мѣстѣ. Но несмотря на красоту этого мѣста' несмотря на то, что здѣсь, кажется, все дышетъ счастьемъ, Ливадія видѣла больше слезъ, чѣмъ радости. Она казалась скорѣе тюрьмой, чѣмъ царской дачей. Часть пристроекъ и теплицъ были превращены въ казармы, наполненными солдатами для защиты царя отъ покушеній. По всѣмъ окрестностямъ на разстояніи нѣсколькихъ миль постоянно бродили патрули солдатъ и полиціи· Казалось, будто непріятельское войско расположено здѣсь лагеремъ, Жители со страхомъ избѣгали близости дворца, и мужики, глядя на куполы царскаго обиталища, съ жуткимъ чувствомъ крестились и обходили его подальше...

Привезенный полуживымъ въ Ливадію, онъ опять возымѣлъ желаніе быть царемъ, а не паціентомъ своего

„подданнаго“, профессора Захарьина. Изъ писемъ послѣдняго видно, что Александръ III не хотѣлъ слушаться предписаній профессоровъ, не допускалъ ихъ даже къ себѣ и больше возлагалъ надежды на отчитыванія ворожей и на ладанъ своего духовнаго отца. Былъ вызванъ Іоаннъ Кронштадскій, какъ лучшій молельщикъ передъ Богомъ за царскіе грѣхи, но и его усердныя молитвы не были услышаны. Царскія очи все глубже и глубже уходили въ орбиты и на лицѣ все характернѣе ложились тѣни надвигающейся смерти. Пренебреженіе къ совѣтамъ врачей было причиной того, что профессоръ Захарьинъ хотѣлъ уѣхать изъ Ливадіи; но Черевинъ «приказалъ» ему остаться подъ угрозой задержать его полицейской силой... До самаго конца у кровати умирающаго царя разыгрывались тяжелыя сцены. Умирающій, на зло необходимости, не смотря на полную физическую немощь и серьезный застой въ дѣлахъ,—съ упрямствомъ маніака не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться

своей властью. Онъ засыпалъ надъ бумагами, но самое слово „регентство“ приводило его въ тревогу и крайнее раздраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ день и ночь его грызла мысль объ удержаніи той же „самодержавной“ власти за своей семьей и какъ призракъ пугала больное воображеніе возможность близкой конституціи. Послѣднимъ дѣломъ Александра III-го и его испытанныхъ лакеевъ было —редактированіе будущаго манифеста Николая II-го. Въ немъ, какъ и во всемъ прочемъ, онъ остался вѣренъ себѣ: устами своего сына и наслѣдника онъ не просилъ ему у страны любви, но требовалъ „преданности“.

Любопытно прослѣдить за газетами этого времени, сопоставивъ свѣдѣнія заграничныхъ и русскихъ газетъ:

Въ то время, какъ заграничный читатель газетъ съ интересомъ ожидалъ роковой развязки, неотвратимой смерти царя, и обсуждалъ: какъ это событіе можетъ отразиться на судьбѣ русскаго народа и Европы,—самъ русскій народъ

считался послѣднимъ, до кого это могло касаться. Приближающаяся смерть царя обходилась въ русской періодической печати, по приказанію свыше, абсолютнымъ молчаніемъ. До такого полнаго пренебреженія нетолько къ народамъ Россіи, но и къ оффиціальнымъ представителямъ Россійской Имперіи заграницей, дошло царское правительство, что русскіе послы впервые узнали о смерти Александра III изъ газетъ. Внутри страны царское правительство сознательно продолжало морочить своихъ подданныхъ. Петербургскій митрополитъ совершалъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, въ присутствіи многочисленнаго духовенства, молебенъ о „выздоровленіи“ Александра III въ то самое время, когда хирурги Вильковскій и Выводцовъ отправлялись въ Ливадію, чтобы бальзамировать бренные останки царя миротворца.

По дошедшимъ заграницу свѣдѣніямъ, Марія Ѳедоровна отказывалась присягнуть Николаю II. Министры, придворные и всѣ бывшіе тогда въ Ливадіи совершенно

растерялись отъ такой неожиданности. Дѣло принимало тревожный характеръ. Многіе уже предвидѣли возможность не только перемѣны въ порядкѣ престолонаслѣдія, но и цѣлаго дворцоваго переворота, на который особенно разсчитывалъ, ждавшій въ столицѣ извѣстій изъ Ливадіи, вел. князь Владиміръ Александровичъ.

Волненіе и растерянность достигли крайняго предѣла, но никто не рѣшался обратиться къ императрицѣ съ требованіемъ присяги. Въ концѣ концовъ всѣ придворные въ отчаяніи обратились къ одесскому генералъ-губернатору графу Мусину-Пушкину, извѣстному своей смѣлостью. Послѣдній, сопровождаемый придворными, пошелъ прямо на врага. Войдя къ императрицѣ, онъ громко провозгласилъ императоромъ Николая II. Ободренные придворные поддержали его, и императрицѣ ничего не оставалось, какъ преклониться передъ совершившимся фактомъ, — тѣмъ болѣе, что ея партія, съ Воронцовымъ-Дашковымъ во главѣ, оказалась совершенно безсильной и не предусмотрительной.

Придворная камарилья, съ Маріей Өедоровной во главѣ, опасалась, чтобы освободившійся отъ родительской опеки, молодой царь не подпалъ подъ вліяніе либераловъ. Эти опасенія могли явиться только у алчныхъ куртизановъ, все существованіе которыхъ зависитъ отъ стараго режима.

Николай II вступилъ на престолъ при всеобщемъ ожиданіи чего нибудь лучшаго. Ожидали амнистіи прошлому, забвенія національныхъ распрей и сословныхъ споровъ, конца произвола, довѣрія къ общественнымъ силамъ, простора мысли. Россія устала отъ режима насилія, окриковъ и ударовъ, отъ изувѣрства и мыслебоязни... Всѣ ждутъ, притаивъ дыханіе. Раздается торжественное обѣщаніе Государя передъ лицомъ Бога служить счастью своихъ подданныхъ. Въ этомъ манифестѣ послышалось искреннее чувство. Надежды зашевелились. Государь пріѣзжаетъ въ Петербургъ; онъ, говорятъ, недоволенъ полиціей, оттирающей отъ него народъ; онъ дѣ-

литъ съ нимъ свое торжество; онъ не хочетъ ѣздить среди шпалеръ солдатъ и шпіоновъ! И какою оваціей наградило его населеніе!

Государь милостиво принялъ поляковъ, которыхъ къ нему не хотѣли пускать! Онъ доступенъ. Государь помиловалъ молельщиковъ, битыхъ въ Крожахъ! Онъ вѣротерпимъ и милостивъ. Онъ сказалъ въ Лондонѣ депутаціи евреевъ, что не любитъ религіозныхъ и національныхъ гоненій. Молодая императрица интересуется наукой, литературой, движеніемъ мысли... Всему этому повѣрили. На встрѣчу самодержцу шли надежды страны. Онѣ сказались робко, въ общихъ выраженіяхъ, въ словахъ, сказанныхъ подъ полицейскимъ надзоромъ, въ виду администраціи, готовой зажать ротъ, въ виду осаднаго положенія, въ виду министровъ, дрожащихъ за себя и готовыхъ найти революцію, чтобы явиться спасителями и спасти —себя.

Раздались просьбы о законности,

о прекращеніи произвола, о правѣ ходатайствъ, непосредственно обращенныхъ къ императору, о довѣріи къ обществу, къ земству, объ единеніи царя съ народомъ. Готовилась просьба представителей печати. Въ отвѣтъ на обѣщанное счастье, послышались несмѣлыя просьбы тѣхъ, кому его сулили, чтобы ихъ выслушали, узнали, въ чемъ для нихъ это счастье?

17 Января раздался царскій голосъ. Выраженія надежды были приняты за оскорбленіе, ожиданія обѣщаннаго счастья —за дерзость, свободный голосъ довѣрія —за нарушеніе порядка. Самодержавіе противопоставлено общественной самодѣятельности и ожиданіе законности признано „безсмысленными мечтаніями". Приводимъ оффиціальную реляцію объ этомъ событіи:

„17 Января состоялся высочайшій пріемъ депутаціи отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ, прибывшихъ въ Петербургъ для принесенія поздравленій Ихъ Императорскимъ Вели-

чествамъ по случаю Ихъ бракосочетанія. Государь Императоръ обратился при этомъ къ представителямъ всѣхъ сословій съ слѣдующими словами:

„Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекающихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ ихъ Мой незабвенный, покойный родитель“.

Одинъ изъ участвовавшихъ въ поднесеніи адреса земецъ такъ описываетъ эту интересную историческую сцену:

„Передъ своей рѣчью царь выступилъ три шага впередъ и началъ гово-

рить напряженно и ненатурально. Голосъ его, начавшись съ нервной ноты, подымался все выше и закончился крикомъ. Чувствовалась фальшь—и сознаніе фальши и ораторомъ и аудиторіей. Это были полуистерическія выкрикиванія застѣнчиваго человѣка, который, очертя голову, идетъ на проломъ, во исполненіе чужаго и чуждаго ему предписанія. Это былъ манекенъ царя, автоматъ".

Въ серединѣ рѣчи послышался рѣзкій звукъ: одинъ изъ предводителей, стоявшихъ передъ царемъ съ хлѣбомъ—солью, повидимому человѣкъ нервный, уронилъ съ подноса солянку... Разсказываютъ, что въ это время Александра Ѳедоровна, еще плохо понимавшая русскую рѣчь, спросила у одной изъ великихъ княгинь по французски: „Qu'est-ce qu'il leur explique?" (что это онъ имъ объясняетъ?). А та отвѣтила: Il leur explique qu'il sont des imbéciles". (Онъ имъ объясняетъ, что они дураки).

И что могло смутить Николая II, вызвать его на отпоръ? Конечно, не скром-

ныя упованія земцевъ, а вліяніе и нащенія придворной партіи, боявшейся потерять власть и связанныя съ ней блага. Приводимъ, какъ образчикъ, одинъ изъ многихъ земскихъ адресовъ, по которому видно, что скромность вожделѣній и умѣренность языка отнюдь не заслужили царскаго окрика 17 Января.

АДРЕСЪ КУРСКАГО ЗЕМСТВА.

Всемилостивѣйшій государь!

«Курское губернское земство, переживъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и со всей Россіей скорбные дни, и исполненное чувствъ глубочайшей преданности, осмѣливается повергнуть къ подножію престола свои всеподданнѣйшія поздравленія,—по поводу радостнаго событія, — бракосочетанія Вашего Императорскаго Величества, и выразить пожеланіе счастья и благоденствія Вамъ, Государь и ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, призванной раздѣлять Вашъ царственный подвигъ.

Курское земство только что выслушало милостивое обращеніе, которымъ Ваше Императорское Величество изволили осчастливить всѣ мѣстныя учрежденія. Оно съ живѣйшимъ одушевленіемъ встрѣтило призывъ Вашъ, Государь, къ общему единенію всѣхъ сословій для работы на благо Россіи, для счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ. Призванное къ жизни державною волей Вашего Дѣда и въ основахъ своихъ являющееся всесословнымъ, земство не можетъ не откликнуться единодушно и радостно на такой призывъ: оно видитъ залогъ успѣха своей дѣятельности въ полномъ единеніи, къ которому Ваше Императорское Величество призываетъ всѣ сословія» и т. д. — И вотъ, на такія болѣе чѣмъ скромныя заявленія Николай Александровичъ топнулъ ножкой:

— „Все будетъ какъ угодно папенькѣ!“.

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

И ХОДЫНКА

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА И ХОДЫНКА

Послѣ перваго „выступленія“ царя все измѣнилось. Всѣ надежды на измѣненія, всѣ желанія вздохнуть свободнѣе были названы безсмысленными мечтаніями. Никакимъ намекамъ на приближеніе лучшаго будущаго не оставалось мѣста: было ясно сказано, что новое царствованіе будетъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго, что почтительный сынъ намѣренъ слѣдовать завѣтамъ незабвеннаго родителя.

Время однако быстро залѣчило внезапное разочарованіе и первую обиду, тѣмъ болѣе, что впереди ожидалась коронація, и, слѣдовательно, можно еще было окончательно не покидать надеждъ. —Нельзя же правительству, говорили оптимисты, сразу рѣзко повернуть на новый путь, это было бы не политично.— И всѣ стали ждать высокоторжественнаго дня. Въ ожиданіи, общество вернулось къ повседневнымъ занятіямъ; жизнь потекла по обычному руслу; въ земствахъ усиленно заговорили опять о всеобщемъ обученіи и объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Эти вопросы были видвинуты какъ очередные, какъ наиболѣе соотвѣтствующіе требованіямъ времени. Словомъ, все оставалось по старому.

Наконецъ пришло время коронаціи. Былъ опубликованъ Высочайшій манифестъ.

Этотъ документъ не далъ ничего, кромѣ горечи, кромѣ печальнаго подтвержденія желанія Николая II-го царствовать въ духѣ своего отца. Въ немъ

нѣтъ не только обѣщаній какихъ бы ни было реформъ, но даже обойдены полнымъ молчаніемъ всѣ до единаго пункты, выдвинутые обществомъ, какъ наиболѣе существенные и требующіе немедленнаго разрѣшенія. Манифестъ гласитъ одно, что будетъ снята милостивой рукой съ страждущихъ и обремененныхъ часть недоимокъ, накопленныхъ годами, „хотя бы и по собственной винѣ и нерадѣнію, дабы, въ сей достопамятный день священнаго вѣнчанія Нашего на Царство, они (вѣрноподданные), вступивъ на стезю обновленной жизни, могли радостно участвовать во всенародномъ ликованіи“. Важный государственный актъ, который долженъ былъ явиться программой царствованія, сведенъ къ одной изъ формальностей коронаціонныхъ празднествъ. Перечисленныя въ немъ льготы по взиманію недоимокъ, штрафовъ, долговъ и другихъ подобныхъ недочетовъ; смягченіе наказанія лицамъ,—„кои, по одобрительному поведенію и свойству ихъ вины или по предъявленному ими

раскаянію, заслуживаютъ снисхожденія“ —эти мѣры, какъ, оказалось исчерпывали „влеченіе сердца даровать и имъ (страждущимъ и обремененнымъ) возможныя облегченія“.!

Нужно ли говорить, что съ народа сложено было только то, чего уже никакъ нельзя было съ него взять; что тяжелое положеніе его нисколько не измѣнилось отъ такого случайнаго уменьшенія недоимокъ, какъ не измѣнилось бы оно и обратно, если бы ихъ даже увеличили.

Яснѣе, чѣмъ въ манифестѣ, новый помазанникъ высказался при пріемѣ депутацій отъ крестьянъ и отъ дворянъ. „Не ждите земли; слушайтесь вашихъ предводителей дворянства“, строго сказалъ онъ крестьянамъ, повторяя слова незабвеннаго родителя. Обращаясь къ депутаціи отъ дворянъ-помѣщиковъ, онъ успокаивалъ ихъ: „Мнѣ извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ. Будьте спокойны, я не забуду вашихъ нуждъ“.

Итакъ, все осталось по прежнему;

царствованіе Николая II-го дѣйствительно служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго. Онъ нашелъ, что гораздо спокойнѣе итти по пути, проторенному его предшественниками, чѣмъ искать новаго. Царь рѣшилъ пожертвовать благомъ стомилліоннаго населенія ради личнаго своего спокойствія и отдалъ Россію въ распоряженіе своихъ чиновниковъ.

Результаты обнаружились немедленно. Желая показать безграничную монаршую щедрость, онъ повелѣлъ оповѣстить всѣмъ вѣрноподданнымъ, что въ извѣстный день будутъ раздаваться народу явства и подарки въ ознаменованіе великаго торжества.

И вотъ въ Москву, въ первопрестольную столицу, сбѣжались сотни тысячъ голодныхъ, оборванныхъ людей, готовыхъ на все, лишь бы получить кусокъ, брошенный милостивой рукой. Они не думали о томъ, что всѣ эти несчастные куски, всѣ угощенія, отъ жалкихъ народныхъ до царскихъ блестящихъ вклю-

чительно, что всѣ десятки милліоновъ рублей, потраченныхъ на коронацію, должны быть пополнены изъ общенародныхъ средствъ.—Они не знали, что эти крохи, изъ за которыхъ погибло столько народу, бросались имъ, чтобы обмануть ихъ, чтобы представить имъ царя и его чиновниковъ, какъ щедрыхъ жертвователей. Они, ослѣпленные блескомъ царскаго величія, шли за тѣмъ только, чтобы получить даромъ царское угощеніе.

Темный людъ, который привыкъ къ тому, что съ него только берутъ; которому даже не позволяютъ спрашивать, куда и на что съ него берутъ; котораго сѣкутъ, если онъ не во время дастъ; который кромѣ безъисходной нищеты никогда ничего не видитъ, — этотъ людъ вдругъ услыхалъ, что въ Москвѣ, на царскомъ праздникѣ, ему будутъ даромъ раздавать угощенія.

Онъ побросалъ свое хозяйство, отложилъ свои дѣла, готовъ былъ бѣжать много верстъ, голодать нѣсколько дней, ночевать гдѣ попало, лишь бы только

получить несчастный свертокъ съ царскимъ изображеніемъ. Всему, что могло помѣшать ему; всему, что могло стать между нимъ и этой подачкой, грозила неизбѣжная гибель. А въ то же время вѣрные царскіе слуги съ восторгомъ описывали блескъ торжества.

Но на самомъ дѣлѣ, чѣмъ были всѣ эти празднества, какъ не яркой иллюстраціей истиннаго положенія Россіи! Эта необычайная роскошь оффиціальнаго великолѣпія рядомъ съ дикой, голодной, оборванной толпой, давящей своихъ женъ и дѣтей! Эта администрація, у которой хватило средствъ и людей, чтобы разставить солдатъ отъ Петербурга до Москвы; чтобы наводнить послѣднюю сыщиками и полиціей; чтобы выслать изъ Москвы нѣсколько тысячъ подозрительныхъ ей людей; чтобы поразить весь свѣтъ сказочнымъ богатствомъ, — эта администрація не нашла возможнымъ такъ обставить гнусную раздачу объѣдковъ, что бы она обошлась безъ жертвъ.

И она, съ царемъ во главѣ, отвѣт-

ственна за все количество смертей и увѣчій. А тѣ, которые лишились разсудка, не будучи въ силахъ вынести всѣхъ ужасовъ страшнаго несчастья; тѣ, которые потеряли отцовъ и матерей, что ожидаетъ ихъ впереди? Ихъ стоны и проклятія будутъ неразрывно связаны съ именемъ Николая II. — Извѣстно, что тогдашній московскій генералъ-губернаторъ, царскій дядюшка Сергѣй, не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности на мѣстѣ раздачи царскихъ угощеній на ходынскомъ полѣ. Тогдашній московскій оберъ-полиціймейстеръ Власовскій совѣтовалъ принять надлежащія мѣры для предотвращенія возможнаго несчастья, въ виду скопленія такой массы народа.

Но на просьбу Власовскаго прислать для охраны войска, вел. кн. Сергѣй отвѣтилъ, что войска нужны для личной охраны государя. 18-го мая были устроены балаганы на ходынскомъ полѣ. Тамъ народу должно было раздаваться царское угощеніе: грошевая оловянная кружка съ намалеванными на ней портретами

царя и царицы и узелокъ съ пряниками и орѣхами. Народу собралось сюда около 600,000 человѣкъ.

Всю ночь наканунѣ раздачи подарковъ притекали десятки тысячъ изъ Москвы и окрестныхъ деревень. Мы видѣли выше, что все вниманіе властей было обращено на охрану „священной особы“ царя. Не до того было имъ, чтобы засыпать овраги, ямы, колодцы, не до заботъ объ удобномъ размѣщеніи балагановъ, чтобы въ многотысячной толпѣ не произошло давки, паники...

И вотъ, когда цѣлый океанъ человѣческихъ головъ пошелъ на приступъ балагановъ съ угощеніемъ, получилось то, чего можно было ожидать: одна волна народа перекатывалась черезъ другую, раздавливая всѣхъ, кто послабѣе, кто застрялъ въ одно изъ ямъ, которыми изрыто было все поле. Выплывшее изъ за облаковъ солнце освѣтило ужасное зрѣлище: трупы съ выпущенными внутренностями, съ раздробленными черепами въ перемежку съ живыми

еще, но истерзанными людьми; всюду кровь, искаженныя лица, сжатые кулаки. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ проклятій, отъ стона раненныхъ и хрипа умирающихъ... Инымъ приходилось цѣлыми часами быть прикованными къ мертвецамъ, не имѣя возможности освободиться отъ этихъ ужасныхъ сосѣдей, которые отъ тѣсноты не могли даже упасть на землю.

А на верху сіяло равнодушное солнце, и туманъ отъ этой дымящейся толпы поднимался къ лазурному небу, словно жертвенный фиміамъ Молоху самодержавія.

Начальство торопилось убирать трупы; убитыхъ и раненныхъ сваливали на однѣ и тѣ же телѣги. Одинъ военный врачъ хотѣлъ сдѣлать перевязки и оказать помощь нѣкоторымъ раненнымъ.

— Ваше высокопревосходительство! —обратился онъ къ стоявшему тутъ военному министру, — распорядитесь выдѣлить раненныхъ: ихъ можно еще спасти!

— Не ваше это дѣло, — заоралъ ми-

нистръ,—я вамъ дѣлаю выговоръ; спокойствіе Его Величества важнѣе вашихъ раненыхъ!

Подъ вліяніемъ момента говорили о 10,000 жертвъ. Но по утвержденіямъ лицъ, по своему положенію имѣвшихъ возможность знать точное число, убитыхъ было около 4800 человѣкъ.

Администрація, по своему обыкновенію, хотѣла скрыть настоящее число жертвъ и опубликовала слѣдующее правительственное сообщеніе о катастрофѣ:

„Сегодня 18 мая, задолго до начала народнаго празднества, толпа, въ нѣсколько тысячъ, двинулась такъ стремительно къ мѣсту раздачи угощеній на Ходынскомъ полѣ, что стихійной силой своей смяла сотни людей. Вскорѣ порядокъ былъ возстановленъ, но къ крайнему прискорбію, послѣдствіемъ перваго натиска толпы было не мало жертвъ. По свѣдѣніямъ полиціи до 4-хъ часовъ: убитыхъ—триста тридцать одинъ, раненныхъ четыреста пятьдесятъ девять“.

Сваливаніемъ вины на стихійность

событія, отставкой Власовскаго и утайкой точнаго числа погибшихъ, администрація думала выпутаться изъ неловкаго положенія.

Что же сдѣлалъ государь?

Прежде всего онъ стянулъ всѣ войска къ Кремлю, боясь, какъ бы возмущенный народъ не потребовалъ его къ отвѣту за смерть 4800 человѣкъ на Ходынскомъ полѣ. А когда онъ почувствовалъ себя въ безопасности, то продолжалъ празднества коронаціи. Даже чтобы соблюсти хоть внѣшнее приличіе, онъ не захотѣлъ прервать коронаціонныхъ празднествъ! Когда умеръ австрійскій эрцгерцогъ, то, въ знакъ соболѣзнованія, на одинъ день были отмѣнены парады и торжественные пріемы. Теперь же, когда погибли тысячи царскихъ подданныхъ при такой ужасной обстановкѣ, оставивъ массу сиротъ безъ крова,—царь, главный виновникъ этого несчастья, продолжаетъ веселиться, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Онъ ограничился тѣмъ, что взялъ на свой счетъ похороны нѣкоторыхъ несчастныхъ,

а ихъ семействамъ великодушно пожертвовалъ изъ ихъ же кармановъ по тысячѣ рублей.

Это блестящее коронованіе Николая II среди раздавленныхъ его подданныхъ навѣки запечатлѣно на страницахъ исторіи.

Въ одной французской газетѣ, искренно сочувствующей франко-русскому союзу, это происшествіе сравнили съ подобнымъ же несчастіемъ, имѣвшимъ мѣсто во Франціи при Людовикѣ XVI. Французскій журналистъ принадлежитъ къ числу поклонниковъ величія русскаго царя, и, дѣлая сравненіе, онъ вовсе не думалъ проводить параллели между Николаемъ II и Людовикомъ XVI. Онъ просто былъ пораженъ внѣшнимъ сходствомъ двухъ событій. Но гораздо болѣе сходства въ причинахъ ихъ. Та-же развращенность чиновничества, полновластно распоряжающагося страной. Такое же безсиліе монарха не только сдѣлать что нибудь для страны, но даже узнать ея положеніе.

Такое же разореніе народнаго хозяйства и искусственно поддерживаю-

щееся невѣжество массъ. Трудно сказать заранѣе, что изъ всего этого выйдетъ, но такое сходство невольно вызываетъ въ памяти судьбу Людовика XVI и многія событія, связанныя съ его именемъ...

Государь еще въ Москвѣ бесѣдовалъ съ разными лицами о причинахъ и виновникахъ несчастія. Министръ Императорскаго Двора выразился такъ:

«Отвѣтственность только и могла бы пасть на одного изъ насъ двоихъ: московскаго Генералъ-Губернатора или меня, но такъ какъ Его Высочество виновнымъ быть не можетъ, то виновнымъ остаюсь я». Гр. Паленъ, бывшій министръ юстиціи и главный маршалъ во время коронаціи, высказалъ свое мнѣніе, что основная причина несчастія лежитъ въ томъ, что великимъ князьямъ, лицамъ, не подлежащимъ отвѣтственности, поручаются такіе отвѣтственные посты, какъ должность московскаго Генералъ-Губернатора во время коронаціи.

„Что жъ дѣлать, сказалъ государь.

это назначеніе моего покойнаго родителя", — и при этомъ назначилъ вел. князя Сергѣя, Высочайшимъ приказомъ отъ 26-го мая, командующимъ войсками Московскаго военнаго округа.

СОВѢТНИКИ НИКОЛАЯ II

СОВѢТНИКИ НИКОЛАЯ II

Трудно представить себѣ человѣка, болѣе безпомощнаго въ отношеніи познанія вещей, происходящихъ на нашей родинѣ, чѣмъ русскій царь. Все приспособлено къ тому, чтобы ввести его въ заблужденіе, и нѣтъ ничего, что помогло бы ему узнать истину. Доклады министровъ застаютъ его совершенно безпомощнымъ. Они клонятся, конечно, къ прославленію ихъ собственной дѣятельности и составляются крайне тенденціозно.

Вся Россія, напримѣръ, возмущалась поведеніемъ губернаторовъ во время холеры 1892 года, когда одинъ изъ нихъ предусмотрительно удалился въ горы Кавказа, откуда благоразумно руководилъ эпидеміей. Другой (кн. Мещерскій) скрылся въ началѣ безпорядковъ на пароходѣ, и даже войска были вызваны какимъ то мелкимъ полицейскимъ чиномъ. Всѣ ждали, по меньшей мѣрѣ, Высочайшаго выговора этимъ трусамъ, сначала своими безсмысленными распоряженіями возбудившимъ народъ, а затѣмъ допустившимъ сожженіе живьемъ медицинскаго персонала. Даже военно-судная процедура установила позорное поведеніе князя Мещерскаго, но — онъ получилъ награду! „Царь конечно не знаетъ“, говорили всѣ тогда, „да и откуда ему знать?“ Дѣйствительно, откуда? Газетныя вырѣзки дѣлаются для царя особыми чиновниками, знающими, конечно, кому слѣдуетъ угодить. Да если бы царь даже читалъ газеты, если бы даже умѣлъ разбираться въ слож-

номъ текущемъ матеріалѣ, то что же сказала бы ему русская печать, задавленная цензурой и безчисленными циркулярами?

Существуютъ еще такъ называемые „всеподданнѣйшіе отчеты“ господъ губернаторовъ особая канцелярская литература, тщательно хранимая отъ гласности, дабы не давать вѣрноподданнымъ повода смѣяться надъ тѣмъ, какъ администрація морочитъ царей.

Когда нибудь, конечно, исторія разработаетъ этотъ матеріалъ съ улыбкой сожалѣнія надъ самодержцами, которыхъ можно было баюкать сказками, какъ малыхъ дѣтей.

Въ результатѣ до Высочайшаго слуха со всѣхъ концовъ Россіи несется лишь согласный хоръ общаго благополучія и процвѣтанія. Въ послѣднее время дирижировать этимъ хоромъ становится все труднѣе. Изъ года въ годъ повторяются голодовки, отощалыхъ людей валитъ холера, то тамъ, то сямъ происходятъ

стихійныя вспышки раздраженнаго народа.

Но до царя все это доходитъ уже въ смягченной перспективѣ, точно отголоски изъ какого то другого, отвлеченнаго, нереальнаго міра, горе котораго не есть настоящее горе; а смерти—только цыфра, ничего не говорящая ни царскому уму, ни царскому сердцу. До какой степени можетъ доходить эта наивная неспособность къ воспріятію самыхъ крупныхъ народныхъ бѣдствій, показываетъ примѣръ Александра III-го, который въ 1892 году въ Москвѣ началъ свое обращеніе къ Московскому дворянству историческими словами: «Слава Богу! десять лѣтъ прошли благополучно». Это благополучіе состояло въ томъ, что третья часть Россіи второй годъ была охвачена жестокимъ голодомъ, а на Волгѣ еще не смолкли отголоски грандіозныхъ холерныхъ бунтовъ! Это истинно чудовищныя по своей наивной жестокости слова, раздававшіяся надъ изнеможенною и изголодавшейся

страной, заставили даже нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ дворянъ въ раззолоченныхъ мундирахъ переглянуться съ выраженіемъ недоумѣнія: о какомъ благополучіи идетъ рѣчь? Страна голодаетъ, государственное казначейство принуждено выдавать сотни милліоновъ, чтобы не допустить массовыхъ голодныхъ смертей; въ странѣ холера и бунты, — а царь называетъ это благополучіемъ! Бѣдный слѣпой самодержецъ! Огромная многомилліонная страна съ ея голодомъ и моромъ совсѣмъ и не входила въ его кругозоръ. Всемилостивѣйше объявляя въ сердцѣ Россіи о благополучіи, онъ хотѣлъ только сказать, что въ его мірѣ, то есть, собственно въ полицейской охранѣ дворца, все обстояло вполнѣ благополучно! Парады также проходили, какъ слѣдуетъ.

Трудно выразить ярче то отсутствіе живой органической связи между самодержавнымъ царемъ и страной, которое такъ характерно для самодержавія. И между тѣмъ никакой цензурѣ не пришло

въ голову остановить чудовищное извѣстіе о царской рѣчи, и сотни тысячъ телеграммъ разнесли по всей Россіи этотъ похоронный звонъ надъ слѣпымъ и безпомощнымъ русскимъ самодержавіемъ, отдѣленнымъ глухой стѣной отъ страны и ея интересовъ! Эту темную стѣну славянофилы называли „средостѣніемъ“. Слово это вышло за предѣлы славянофильской терминологіи. Независимо отъ направленія, отъ общественнаго положенія и партіи,—либералы, конституціоналисты, консерваторы, ретрограды, западники, націоналисты, дворяне, разночинцы, чиновники, крестьяне, купцы, — всѣ теперь знаютъ, если не это слово, то понятіе, всѣ чувствуютъ: „Царь ничего не знаетъ... отъ царя все скрыто“. И страна, хоть и медленно, но дѣлаетъ свои выводы.

А царь съ легкимъ сердцемъ несетъ страшное бремя отвѣтственности за то, что не только идетъ безъ всякаго его воздѣйствія, но о чемъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. И этотъ приз-

ракъ власти воображаетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ „самодержавно“ правитъ великой страной своими: „читалъ съ удовольствіемъ“, „совершенно согласенъ“!

Николай II вступилъ на престолъ молодымъ. Молодость вообще доброжелательна, а такъ какъ царь тоже человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо, то и юношѣ — царю не чужды были нѣкоторыя движенія молодаго великодушія. Они были только лишены содержанія. Онъ хотѣлъ сказать что нибудь свое, благожелательное, пріятное, чтобы его полюбили, чтобы его благословляли. Извѣстно, что во время своего перваго въѣзда въ столицу царь привелъ въ ужасъ полицію, приказавъ снять всѣ охранительные посты и кордоны войскъ. Затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя проявленія, символизировавшія что-то, похожее на національную терпимость...

Правда, все это было сбивчиво, довольно мелко, неустойчиво и смутно, но все же въ этомъ сквозили хоть намеки на что-то свѣжее, чуждое, какъ будто,

тупой и угрюмой реакціи въ „Бозѣ почившаго Родителя“. И въ русскомъ обществѣ, еще не вполнѣ разучившемся ждать чего-то отъ совершенно уже отжившаго самодержавія, стали опять возникать наивныя легенды о великихъ благахъ „съ высоты престола“.

Говорили о томъ, что царь продолжаетъ ходить одинъ, пренебрегаетъ охраной, разсказывали, будто онъ лично явился однажды въ университетъ, чтобы разспросить студентовъ объ ихъ нуждахъ и о причинахъ ихъ недовольства, ждали отставки Побѣдоносцева, назначили даже сроки... Толки эти ходили даже въ либеральныхъ кругахъ, особенно въ провинціи. Начало всякихъ перемѣнъ пріурочивали къ коронаціи, послѣ которой долженъ былъ закончиться періодъ Александра III-го и начаться новая эра.

Одно время, когда царь еще не попалъ окончательно подъ вліяніе Сипягина, Витте, Плеве и др., онъ пожелалъ узнать „настоящую“ правду. Это было въ 1898 году. Вскорѣ по Россіи разнесся

слухъ о странной миссіи титулярнаго совѣтника, ищущаго для царя „всю правду". Переполошилась администрація, въ особенности провинціальная; нѣкоторые исправники въ испугѣ телеграфировали губернаторамъ, что въ уѣздѣ появился господинъ, требующій именемъ государя „настоящую" правду.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Въ одномъ изъ министерствъ служилъ нѣкто Клоповъ. Ему однажды поручили изслѣдованіе мукомольнаго производства въ какомъ-то районѣ. Клоповъ настолько увлекся своимъ изслѣдованіемъ, что по окончаніи командировки сталъ продолжать его на свой страхъ. Денегъ у Клопова не было и ему приходилось обращаться за пособіемъ къ различнымъ министерствамъ и земствамъ. Такъ какъ изданныя работы Клопова спеціалистами цѣнились не высоко, то въ пособіяхъ ему повсюду отказали.

Наконецъ Клопову пришла въ голову оригинальная мысль. Онъ вспомнилъ, что въ Россіи есть нѣкоторое, довольно

даже значительное, число великихъ князей, стоящихъ въ извѣстной близости къ престолу,—значитъ могущественныхъ и вліятельныхъ.

Ихъ то Клоповъ рѣшилъ привлечь къ своему изслѣдованію и написалъ одному изъ нихъ, Александру Михайловичу, страстное письмо о долгѣ передъ отечествомъ и о безполезности великокняжескихъ существованій. Въ заключеніе, какъ бы въ видѣ искупительной жертвы, требовалось содѣйствіе изслѣдованію мукомольнаго дѣла.

Оригинальность и несомнѣнная искренность тона, самая рѣзкость, наконецъ, содержанія обратили вниманіе на письмо Клопова,—и оно заинтересовало высокопоставленнаго адресата. Въ результатѣ Клоповъ вступилъ въ личныя сношенія съ великимъ княземъ, который далъ ему нѣкоторое воспособленіе лично, а главное, — далъ ему возможность обратиться за поддержкой на высочайшее имя. Вскорѣ Клоповъ получилъ черезъ великаго князя царское обѣщаніе, кото-

рое однако стоило недорого, такъ какъ за нимъ не слѣдовало соотвѣтствующей ассигновки... Витте, находившiйся тогда на высотѣ своего могущества, какъ финансистъ, имѣлъ, говорятъ, личныя соображенiя, дать почувствовать свою силу великому князю въ лицѣ протеже. Клоповъ напрасно обивалъ пороги министерства въ ожиданiи всемилостивѣйшей ассигновки.

Это пикантное обстоятельство служило предметомъ печальныхъ разговоровъ между нимъ и его покровителемъ. Но Клоповъ этимъ не ограничился и предложилъ великому князю выхлопотать ему личное свиданiе съ государемъ. Тотъ согласился, и увлекающiйся изслѣдованiемъ мукомольнаго дѣла титулярный совѣтникъ предсталъ передъ русскимъ самодержцемъ въ Царскомъ Селѣ.

Въ первый разъ ему приходилось видѣть съ глазу на глазъ всероссiйскаго самодержца. Войдя въ кабинетъ государя, онъ отъ смущенiя уронилъ свой портфель, такъ что всѣ его таблицы и

картограммы мукомольнаго производства разлетѣлись по царскому кабинету. Бросившись поднимать ихъ, онъ замѣтилъ, что царь ему помогалъ... Но и царь былъ пораженъ, такъ какъ онъ, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни стоялъ лицомъ къ лицу съ такимъ страннымъ выходцемъ изъ другаго невѣдомаго и таинственнаго міра, лежащаго за предѣлами дворцовыхъ карауловъ и правилъ дворцоваго этикета.

Когда нибудь, вѣроятно, г. Клоповъ возстановитъ для потомства подробности этой бесѣды, а пока она извѣстна только въ самыхъ общихъ чертахъ. Говорятъ, г. Клоповъ старался внушить царю идею объ его исторической миссіи. Императоръ Александръ II освободилъ крестьянъ, почему и называется царемъ-освободителемъ, Александръ III, какъ извѣстно,— миротворецъ. На долю же Николая II-го пришлась задача освобожденія Россіи отъ ига бюрократіи...

Разговоръ, вѣрнѣе монологъ, длился болѣе часа. Царь слушалъ внимательно

и говорили, что Клоповъ ему понравился, такъ какъ онъ далъ ему еще нѣсколько аудіенцій. Клоповъ старался убѣдить царя, что бюрократы его обманываютъ, что онъ не узнаетъ настоящей правды, и что изслѣдованіе мукомольнаго дѣла есть насущнѣйшая задача теперешняго времени.

Наконецъ Клоповъ получилъ подписанный комендантомъ дворца Гессе открытый листъ, которымъ ему поручалось по высочайшему повелѣнію произвести частное изслѣдованіе въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ. По странной логикѣ царской нерѣшительности, обладатель „открытаго листа“ Клоповъ обязанъ былъ хранить все это въ тайнѣ и не показывать его „безъ крайней надобности“.

Царь, должно быть, боялся огорчить или разсердить министровъ, безъ позволенія которыхъ онъ захотѣлъ узнать правду о своей странѣ. Страшное вольнодумство со стороны самодержца!

Результаты изслѣдованія Клопова

потвердили только то, что и такъ было извѣстно всѣмъ, кромѣ царя, а именно, что въ Россіи дѣйствительно есть голодъ. Нѣкоторыя земства составили записки на эту тему для представленія государю. Потомъ къ Клопову потянулись разные бюрократы и проходимцы, ищущіе какой либо возможности наживы.

Между тѣмъ секретъ пришлось по неволѣ нарушить. Нѣсколько разъ Клоповъ вынужденъ былъ предъявить свой „открытый листъ“. Губернаторы, жандармскіе начальники удивлялись, доносили секретно министрамъ и секретно же разсказывали женамъ и добрымъ знакомымъ.

Слухи о царской конспираціи при посредствѣ титулярнаго совѣтника ширились и становились секретомъ полишинеля. Наконецъ они проникли и въ печать. Всѣ поняли тогда смѣшную сторону этого эпизода. Русскій царь, въ распоряженіи котораго вся бюрократія Россіи, и на первый призывъ котораго готова отвѣтить вся земская Русь, по-

сылаетъ секретно человѣка, который вынужденъ шушукаться по сторонамъ и тайно, какъ контрабанду, провозить во дворецъ то, что, не смотря на гнетъ цензуры и администраціи, уже было открыто заявляемо въ печати. Впрочемъ, царю скоро надоѣла правда Клопова, и тотъ удалился, стоивши казнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Въ началѣ 1903 года въ совѣтники царя попалъ шарлатанъ Демчинскій. Съ неподражаемой безцеремонностью онъ опубликовалъ какой-то „самый вѣрный" способъ предсказанія погоды. Поднялся шумъ на всю Россію. Но тутъ же оказалось, что соображенія Демчинскаго совершенно не научны и не выдерживаютъ даже самой поверхностной критики, что его способъ предсказанія погоды—чистое шарлатанство. Потерпѣвъ крушеніе въ метеорологіи, Демчинскій устроился совѣтникомъ царя и истолкователемъ общественнаго мнѣнія.

Онъ подалъ государю нѣсколько записокъ о современномъ положеніи стра-

ны, въ которыхъ онъ то развязнымъ, то льстиво-угодническимъ тономъ убѣждаетъ царя ввести въ Россію реформы. Но совѣты и соображенія Демчинскаго въ политикѣ столько же смутны и туманны, какъ въ метеорологіи,—это видно уже изъ того, что реакціонная политика Александра III-го отождествляется имъ съ преобразованіями Александра II-го. Несмотря на такую путаницу взглядовъ, Демчинскій одно время тоже „понравился царю". Но послѣ нѣсколькихъ аудіенцій и Демчинскій сошелъ со сцены самодержавной комедіи, получивъ крупненькую сумму за свою „метеорологію".

Въ качествѣ такого же царскаго каприза извѣстный сверхъ-патріотъ, чудакъ и коллекціонеръ, князь Эсперъ Ухтомскій-Азіатскій издавалъ съ помощью либерально и даже радикально мыслящихъ людей газету, пытавшуюся стать выше всѣхъ бюрократическихъ вліяній, слывшую одно время за личный органъ царя. Князь Ухтомскій призывалъ царя

въ одно и то же время вывести всѣ злоупотребленія на Руси и объединить весь Китай и всю Азію подъ своей порфирой.

Стоитъ, пожалуй, отмѣтить и еще одинъ эпизодъ: узнавъ о кишиневскомъ погромѣ, Николай пожелалъ было послать собственнаго флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла,—но узнавъ, что Плеве уже послалъ туда для этой же цѣли Лопухина, обрадовался и удовольствовался этимъ; тѣмъ болѣе, что о. Іоаннъ Кронштадскій, высказавшійся сначала противъ погромщиковъ, понялъ свою неловкость и поправился, заявивъ, что евреи сами виноваты въ томъ, что ихъ бьютъ.

Говоря о негласныхъ совѣтникахъ царя, нельзя пройти молчаніемъ одну оригинальную фигуру, имѣвшую въ теченіе года сильное вліяніе на царя, настолько сильное, что даже министры не чувствовали себя спокойными на своихъ тронахъ, если не были въ ладахъ съ этой особой. Это такъ называемый pѐre

Philippe, парикмахеръ изъ Марселя, спиритъ и шарлатанъ.

Великій князь Николай Николаевичъ познакомился съ этимъ шарлатаномъ на какомъ-то спиритическомъ сеансѣ и привелъ его весною 1902 года къ государю. Недалекаго и суевѣрнаго царя онъ совершенно запуталъ своей черной магіей и подчинилъ своему вліянію. Безъ вѣдома Филиппа царь не принималъ никакого важнаго рѣшенія. Царь велѣлъ спириту вызывать духи различныхъ покойниковъ и спрашивалъ у нихъ совѣта, какъ по семейнымъ, такъ и по государственнымъ дѣламъ. Больше всего досталось духу Александра III-го, котораго вызывали почти ежедневно и осыпали самыми различными вопросами. Всѣ близкіе двору люди пришли въ смущеніе, такъ какъ Филиппъ при помощи своихъ духовъ сталъ всемогущимъ и могъ перевернуть все вверхъ дномъ. Изъ за него министръ юстиціи Муравьевъ чуть не поплатился своимъ постомъ. Министръ хотѣлъ отдать Качуру, стрѣлявшаго въ

харьковскаго губернатора Оболенскаго, гражданскому суду, чтобы засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ намѣреніе правительства душить своихъ враговъ на законномъ основаніи. Но царь велѣлъ Филиппу вызвать духъ незабвеннаго родителя и освѣдомиться у того, что слѣдуетъ дѣлать. Духъ же повѣдалъ устами Филиппа, что съ Качуромъ надо раздѣлаться упрощеннымъ и вѣрнѣйшимъ способомъ, — посредствомъ военнаго суда. Такъ и было сдѣлано, и благодаря этому, положеніе Муравьева стало очень шаткимъ.

Труднѣе пришлось Рачковскому, главному агенту русской полиціи въ Парижѣ, очень высокому чину при тогдашнихъ русскихъ условіяхъ, который дѣйствительно изъ за Филиппа получилъ отставку. По желанію вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны, генералъ-адъютантъ Гессе поручилъ Рачковскому собрать во Франціи свѣдѣнія о Филиппѣ. Вѣрный рабъ въ точности исполнилъ данное ему порученіе. При этомъ лич-

ность и прошлое Филиппа выяснилась съ самой неблагопріятной стороны. Гессе передалъ донесеніе Рачковскаго собственноручно царю. Но этотъ такъ разсердился за неблагопріятный отзывъ о своемъ любимцѣ, что велѣлъ немедленно удалить Рачковскаго съ мѣста.

Властвуя надъ Государемъ, Филиппъ хотѣлъ упрочить свое положеніе пріобрѣтеніемъ какого нибудь титула. Въ Военно-Медицинскую Академію было подано ходатайство о признаніи его докторомъ honoris causa. Говорятъ, что Академія согласилась удовлетворить это требованіе, которое осуществилось бы, еслибы Филиппъ продолжалъ свое дѣло умнѣе и не сталъ-бы черезчуръ нахальнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не дурно устроилъ свои личныя дѣла; но онъ захотѣлъ духомъ „родителя" и другимъ помочь, конечно, за соотвѣтственное вознагражденіе. Когда обсуждалось дѣло о метрополитенѣ Петербурга, инженеръ Балинскій вошелъ въ стачку съ Филиппомъ и духъ незабвеннаго родителя

сталъ давать черезчуръ странные совѣты. Онъ убѣждалъ отдавать устройство метрополитена Балинскому на такихъ условіяхъ, которыя причиняли бы городу громадные убытки, но за то обогатили бы Балинскаго. Это даже Николаю II-му показалось страннымъ и онъ рѣшилъ удалить спирита.

Но съ духами онъ не могъ разстаться и продолжалъ заниматься спиритизмомъ.

Потомъ дурачила, царя какая-то дѣвица, по имени Галацкяя, которая путемъ черной магіи пророчила царю исходъ войны. По ея толковеніямъ выходило, что русскіе будутъ терпѣть неудачи до тѣхъ поръ, пока самъ царь не появится на театрѣ военныхъ дѣйствій. Это обезпечитъ будто Россіи блестящую побѣду. Побужденный этимъ царь дѣйствительно хотѣлъ отправиться на Дальній Востокъ. Но Куропаткинъ, Витте и Побѣдоносцевъ рѣшительно возстали противъ этого и велѣли ему спокойно остаться дома.

Наученный-ли опытомъ прежнихъ

совѣтниковъ, или имѣя большій апетитъ, чѣмъ предшествовавшіе ему совѣтники, но тверже ихъ схватился за дирижерскую палочку русскаго самодержавія отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ, который неожиданно для всѣхъ былъ произведенъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества.

Когда то Безобразовъ служилъ въ гвардіи, но уже давно вышелъ въ отставку. Въ самомъ началѣ царствованія Александра Ш-го онъ выдвинулся тѣмъ, что былъ душой „священной лиги", образовавшейся въ то время для охраны личности царя. Члены этой лиги обязались добровольно слѣдить за всѣми своими знакомыми и доносить куда слѣдуетъ обо всемъ, что имъ покажется неблагонадежнымъ и опаснымъ для царскаго трона. Тогдашній директоръ департамента полиціи Плеве потребовалъ уничтоженія „священной лиги", вмѣшивающейся въ его дѣла и она была распущена. Безобразовъ бывалъ въ домѣ фрейлины Голенищевой-Кутузовой, кото-

рую посѣщаетъ вдовствующая императрица. Тамъ они встрѣтились и онъ понравился Маріи Ѳедоровнѣ, которая потомъ совѣтовала Николаю приблизить къ себѣ Безобразова, какъ умнаго и дѣльнаго человѣка. Въ послѣднее время Безобразовъ часто подавалъ царю различныя записки. Сначала министры не смущались и игнорировали новаго фаворита или министра безъ портфеля, но со временемъ вліяніе его стало расти, и его докладныя записки начали проявлять свое дѣйствіе.

За нѣсколько лѣтъ до японской войны Безобразовъ вмѣстѣ съ Звягинцевымъ, Вонлярскимъ, служащими въ Государственной канцеляріи и Матюкинымъ, консуломъ въ Кореѣ, при участіи великихъ князей, образовали компанію на паяхъ и получили концессію у Корейскаго правительства на эксплоатацію лѣснаго и горнаго дѣла въ Кореѣ. Къ этому предпріятію былъ привлеченъ и государь и вдовствующая императрица, которые вложили въ него по нѣсколько милліоновъ рублей.

Безобразовъ специализировался по политикѣ Дальняго Востока. Онъ и доложилъ государю, что сибирская и манчжурская желѣзныя дороги скверно построены. Когда Витте однажды докладывалъ государю объ удовлетворительномъ состоянiи манчжурской желѣзной дороги, тотъ будто замѣтилъ: „А вотъ Безобразовъ говоритъ, что дорога плохо построена“, на что Витте сказалъ: „Неужели Ваше Императорское Величество вѣрите больше частному человѣку, чѣмъ Вашему Статсъ-Секретарю и министру?“. Послѣ этого состоялось назначенiе Безобразова Статсъ-Секретаремъ.

По инициативѣ и совѣту Безобразова было учреждено на Дальнемъ-Востокѣ намѣстничество Алексѣева, которое стоило Россiи страшно много денегъ и запутало въ злосчастную и кровопролитную войну съ Японiей.

Всѣ наиболѣе заинтересованные министры были противъ учрежденiя намѣстничества, отдающаго въ руки одного человѣка иностранную и отчасти финан-

совую политику страны. Витте вышелъ въ отставку; Куропаткинъ и Ламздорфъ тоже подали въ отставку, но ихъ прошенія не были удовлетворены. Но Безобразовъ и другія высокопоставленныя особы, будучи матеріально заинтересованы въ завоевательной политикѣ Россіи на Дальнемъ Востокѣ, воспользовались своимъ вліяніемъ у государя и толкнули Россію на опасный, вредный и губительный для интересовъ страны, путь.

Самодержавіе дошло до того, что различные проходимцы бюрократіи распоряжаются судьбою страны и запутали 150-ти милліонный народъ въ несчастную войну исключительно для защиты своихъ акцій.

Такимъ образомъ Безобразовъ стоилъ Россіи очень дорого. Много поколѣній русскаго народа будутъ расплачиваться по Безобразовскимъ счетамъ. На содержаніе намѣстничества предполагалось ежегодно 125 милліоновъ рублей. А манчжурская желѣзная дорога, устройство Портъ-Артура и Дальняго поглащали

сотни милліоновъ рублей. Прибавьте къ этому стоимость войны и всѣ несчастія и убытки, которые являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны и вы приблизительно узнаете, во что обошелся России Безобразовъ, командующій Николаемъ Александровичемъ Романовымъ.

Безобразовская концессія играла главную роль въ возникновеніи русско-японской войны. Безобразовъ съ компаніей настаивали, что Россія должна присвоить себѣ Манчжурію и Корею, разсчитывая на милліонные доходы отъ эксплуатаціи лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ этого края. Они увѣряли царя, что маленькая Японія ни коимъ образомъ не рѣшится начать войну съ „могущественной" Россіей, и что поэтому нѣтъ надобности ни въ чемъ ей уступать.

Кромѣ того, Безобразовская концессія играла непосредственную роль въ переговорахъ между Россіей и Японіей. Русское правительство требовало, чтобы участки земли, находящіеся въ распоряженіи концессіи были отнесены къ

сферѣ русскихъ интересовъ. Здѣсь мы видимъ такое смѣшеніе личныхъ и государственныхъ интересовъ, какое немыслимо ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ. Только самодержавные бюрократы могутъ воспользоваться государственной властью для устройства своихъ личныхъ дѣлъ и ввергнуть народъ въ неописуемое несчастіе, для того чтобы обезпечить себѣ нѣсколько милліоновъ дохода.

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ II

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ II

Окружающіе Николая II характеризуютъ его, какъ человѣка слабаго, безвольнаго, но временами крайне упрямаго. Онъ по складу своему фантазеръ, мечтатель, не чуждъ сентиментальности. Тираническая воля его отца, не терпѣвшаго въ семьѣ никакихъ противорѣчій, съ дѣтства ломила и гнула нѣсколько женственную и слабую натуру Николая. Немногіе свободные порывы сердца душились и вырывались съ корнемъ. Такъ, передъ бракомъ съ Алисой Гессенской,

онъ, тогда еще наслѣдникъ, вздумалъ было распорядиться со своимъ сердцемъ самъ, не справляясь съ этикетомъ,—и долженъ былъ отправиться лѣчиться отъ болѣзни въ то несчастное путешествіе, въ теченіе котораго онъ получилъ въ Японіи сабельную рану фанатика-полицейскаго. Эта сабельная рана была какъ бы прообразомъ той еще болѣе жестокой, сабельной раны, которую русскій царизмъ поручилъ отъ той же Японіи. Царствованіе Николая II вообще было богато такими пророческими эпизодами...

Сентиментальныя фантазіи Николая II, проникавшіе въ общество слухи о его кратковременныхъ и слабыхъ „бунтахъ" противъ придворнаго этикета, опутывающаго съ ногъ до головы каждую изъ жертвъ Зимняго Дворца, и были причиною тѣхъ упованій и надеждъ, которыя возлагались на него въ культурно-либеральныхъ сферахъ.

Извѣстенъ слѣдующій характерный эпизодъ. имѣвщій мѣсто въ Петербургѣ въ концѣ 1894 года. Глухой осенью,

днемъ по Невскому Проспекту шелъ молодой офицеръ, съ задумчивыми печальными глазами. Офицеръ шелъ, не привлекая ничьего вниманія, и благополучно миновалъ уже Милютины ряды, какъ вдругъ передъ нимъ выросла фигура градоначальника фонъ-Валя. Онъ бѣшено мчался въ своемъ экипажѣ по направленію отъ Зимняго Дворца, зорко осматривая прохожихъ по Невскому. Увидѣвъ офицера, онъ выскочилъ изъ экипажа и, въ упоръ глядя своими красными воспаленными глазами (было болѣе 3 час. дня, а фонъ-Валь съ этого момента бывалъ совершенно пьянъ) на смущеннаго офицера, тихо сказалъ ему:

— Это невозможно, Ваше Величество!

— Но, генералъ...

— Это невозможно, Ваше Величество, и я Васъ умоляю вернуться во дворецъ...

Моментально вокругъ государя — офицеръ съ печальными глазами былъ дѣйствительно ни кто иной, какъ Николай II — и фонъ-Валя собралась толпа. Царь про-

должалъ итти по тротуару; фонъ-Валь шелъ по проѣзду, почтительно изогнувшись.

— Но, генералъ, я вышелъ погулять...

— Это невозможно, Ваше Величество...

На этотъ разъ послѣдняя фраза была услышана толпой; слова „царь! царь!" переходили изъ устъ въ уста; раздалось громкое „ура", полетѣли вверхъ шапки: тогда Николай II былъ еще очень популяренъ, на него возлагали большія надежды и появленіе царя безъ свиты и охраны еще болѣе наэлектризовало толпу...

А въ то время изъ Зимняго же дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цѣпью царя и повели его въ Аничковъ дворецъ ко вдовствующей императрицѣ (или какъ ее здѣсь называютъ, къ «покойной» императрицѣ). „Мальчикъ" получилъ большой выговоръ и съ тѣхъ поръ его заперли окончательно подъ замокъ,

Одинъ изъ сенаторовъ, по своему по-

ложенію имѣвшій случай познакомиться съ личностью и характеромъ царя, такъ описываетъ его:

„Онъ—тупъ, совершенно необразованъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже въ частности, что творится въ Россіи. Онъ любитъ семейную жизнь, дѣтей. Въ то время, какъ Россія переживаетъ серьезный кризисъ, онъ преспокойно предается патріархальной семейной идилліи. Утромъ они всѣ вмѣстѣ пьютъ чай или кофе, потомъ Александра Өедоровна сама наскоро собираетъ со стола, и они вдвоемъ садятся играть въ карты. Если въ это время придетъ какой нибудь министръ съ докладомъ, то ужъ лакеи, чтобъ подслужиться, просятъ обождать или придти въ другой разъ, такъ какъ „Его Величество заняты и принять не могутъ“. Доклады онъ подписываетъ, не читая; онъ даже (!) „Новаго Времени“ въ руки не беретъ! Правда, Александръ III, былъ тоже не

уменъ, но тотъ хоть любилъ военное дѣло, а этотъ и здѣсь ничего не смыслитъ... Изъ министровъ онъ слушается того, кто съ нимъ грубъ, кричитъ на него. Николай очень труслив и его легко запугать. Витте былъ съ нимъ развязенъ и безцеремоненъ, и Николай долго его слушался: но еще грубѣе былъ Плеве, которому легко удалось вытѣснить Витте и превратить Николая въ послушнаго школьника...“

Такова характеристика, съ которой сходятся всѣ, знающіе Николая.

„Ахъ! да развѣ онъ что нибудь понимаетъ! съ досадой говоритъ о немъ наслѣдникъ, — нынѣ „бывшій“ наслѣдникъ,—Михаилъ Александровичъ послѣ ревельскаго инцидента. Извѣстно, что во время Ревельскаго свиданія съ Вильгельмомъ, наслѣдникъ поднялъ на своей яхтѣ свой штандартъ, какъ наслѣдника. На это послѣдовалъ съ Императорской яхты приказъ: „убрать немедленно“, послѣ чего былъ выставленъ штандартъ великаго князя.

Не менѣе извѣстно опредѣленіе его графомъ Витте по поводу его дальне-восточной политики, предшествовавшей Русско-Японской войнѣ: „C'est une politique d'un jeune homme!“ (это—политика „молодого человѣка“!)

„Бѣдный запуганный молодой человѣкъ“, говоритъ про него Левъ Толстой. „Путешествіе въ нашу страну — истинная пытка для этого робкаго, боязливаго и меланхолическаго существа“, писалъ во время Франко-Русскихъ торжествъ Дрюмонъ.

Но не иное впечатлѣніе производитъ онъ и на простонародье:

„А царь-то нашъ скучный-прескучный“, говоритъ Одесская баба.

„Пришелъ вінъ такой совѣстный, ажъ глаза потупилъ“, вторитъ ей курскій мужикъ,—„то и говоритъ: терпите, молъ, ребята“...

Характерно, какъ описывалъ рядовой изъ дворцовой стражи въ письмѣ на родину настроеніе и поведеніе Николая послѣ смерти Сипягина...

„Въ четвергъ министра хоронили, а бѣдный Государь пріѣхалъ только на выносъ, тоже страшно боится, провожать не пошелъ. Жисть хуже нашего. Государь все опасается и сидитъ больше въ своемъ Зимнемъ дворцѣ, все одно, что арестованный; только и развлеченія — играетъ со своими собаками: выпуститъ когда штукъ пять, а когда восемь, они такъ на него и прыгаютъ, и бѣгаетъ съ ними по саду; а то бѣгаетъ по крышѣ или же играетъ съ братомъ въ лапту; вотъ какое тяжкое положеніе ихъ“...

Не смотря на строгія кары, какими преслѣдуются оскорбленія Величества въ Россіи, даже „Новое Время“ рискнуло въ 1904 году лягнуть самодержца стихотвореніемъ

РАЗДВОЕНІЕ

Что за мученіе адское!
Въ сердцѣ моемъ все раздвоено:
Чую въ себѣ я и воина,
Чую я нѣчто и штатское;
Страсти имѣютъ двоякую
Власть надъ душой моей хрупкою;
Брежу и мира я трубкою,
Жажду немного и драки я, и т. д...

Каждый, знакомый съ русскими условіями, сразу пойметъ, кто воспѣвается въ этомъ стихотвореніи. Цензура замѣтила стихи только послѣ того, какъ газета разошлась по всѣмъ краямъ.

Послѣ неудачнаго опыта съ фельетономъ Амфитеатрова, который именно благодаря правительственному преслѣдованію получилъ самую широкую извѣстность, главное управленіе по дѣламъ печати было осторожнѣе. Оно дѣлало, видъ что вовсе не замѣчаетъ стихотворенія; но все таки, чтобы не оставлять преступленіе безъ наказанія, оно черезъ недѣлю воспретило розничную продажу газеты, придравшись къ безобидной статьѣ.

Благодаря своей безпомощности, Николай II составляетъ излюбленную тему для анекдотовъ и каррикатуръ. Нѣтъ возможности передать разнообразіе этихъ произведеній, между которыми имѣются, наравнѣ съ талантливыми произведеніями западно-европейскихъ мастеровъ, каррикатуры и бездарныя произведенія

илотовъ искусства. Но во всѣхъ изъ нихъ звучитъ одна нота:

Николай изображается какъ существо безпомощное, неспособное ни на что положительное, всѣ хорошія слова котораго покрываются самой безотрадной дѣйствительностью.

Этому человѣку приходится рѣшать жизненные вопросы 150-ти милліоннаго населенія. Ему не разъ приходилось останавливаться передъ вопросомъ: Что дѣлать?

Однажды, разсказываютъ, Иркутскій генералъ-губернаторъ почтительно докладывалъ царю, что сибирскія школы не слѣдуетъ передавать духовному вѣдомству. Николай слушалъ, вникалъ и вдругъ... расплакался. — „Что же мнѣ дѣлать?“ — нервно заговорилъ онъ сквозь слезы. „Вы вотъ говорите — не слѣдуетъ, а Константинъ Петровичъ (Побѣдоносцевъ) говоритъ, что необходимо передать“...

Въ началѣ 1897 года въ Петербургѣ появился слухъ о томъ, что Николай II

ПРАВЛЕНІЕ НИКОЛАЯ II

И ЕГО МИНИСТРЫ

Мы видѣли уже въ первыхъ главахъ, какое воспитаніе получилъ Николай Александровичъ и блестящій дебютъ его 17 Января 1895 года. Послѣдующія событія могли только толкать безхарактернаго молодаго монарха въ объятія бюрократіи и придворной камарильи. А послѣдняя не брезговала прибѣгать даже къ грубѣйшимъ подлогамъ, вродѣ неожиданныхъ появленій въ кабинетѣ царя, какъ съ неба свалившихся угрожающихъ писемъ, разумѣется, якобы революціонныхъ.

Неудивительно, если, разстроенная мнимыми страхами, фантазія царя населяла окружающую среду всевозможными призраками. Вокругъ него выросталъ цѣлый фантастическій міръ невидимыхъ, злобныхъ враговъ. Слабая, больная голова царя не могла противопоставить этому наплыву гнетущихъ впечатлѣній никакого серьезнаго сопротивленія. Къ этому прибавилась болѣзнь. Ударъ японской сабли оставилъ надолго слѣдъ, и въ 1897 году у Николая стали въ угрожающихъ размѣрахъ усиливаться головныя боли, повергавшія его въ состояніе полной душевной депрессіи. Припадки апатіи граничили съ душевнымъ разстройствомъ. Это были форменныя галлюцинаціи: царь всюду видѣлъ паутину, сметалъ ее и приказывалъ дѣлать тоже приближеннымъ. Не началось ли это съ того, что онъ видѣлъ себя опутаннымъ сѣтями революціонныхъ заговоровъ? Призракъ революціи не даетъ ему спать.

Рабочія и студенческія волненія конца

прошлаго вѣка дали поводъ вырваться наружу его раздраженію. Въ Ярославлѣ войско разгоняетъ стачечниковъ и даетъ залпъ по толпѣ, уже обращающейся въ бѣгство, убиваетъ и ранитъ многихъ, причемъ большинство жертвъ оказывается пораженными съ тыла. И царь подписываетъ на докладѣ: „весьма доволенъ спокойнымъ и стойкимъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ"; а командующій войсками округа, Костанда, сообщаетъ о милостивыхъ словахъ царя, передаетъ „спасибо молодцамъ — фанагорійцамъ" и офицерамъ—„искреннюю благодарность за умѣлое и своевременное употребленіе оружія"..

4 Марта 1901 года, послѣ знаменитой бойни на Казанской площади, вызвавшей взрывъ возмущенія даже въ людяхъ самыхъ благонамѣренныхъ, царь передалъ въ рѣзкой формѣ свое личное неудовольствіе кн. Вяземскому, пытавшемуся остановить полицейскія звѣрства.

За рабочими волненіями начались студенческія. Студенты уже давно были

недовольны шпіонствомъ и казарменнымъ порядкомъ, царствовавшими во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Рабочее движеніе произвело на студенчество сильное впечатлѣніе.

Лучшая часть студенчества организовалась для борьбы, и подражая примѣру рабочихъ, стали устраивать забастовки и уличныя манифестаціи во всѣхъ университетскихъ городахъ. Къ своимъ спеціальнымъ требованіямъ объ университетской автономіи студенты прибавили общенародныя требованія свободы...

Что же сдѣлало правительство Николая II? Указомъ 29 Іюля 1899 г. всѣ студенты, участвующіе въ забастовкахъ, отдаются въ солдаты срокомъ отъ одного года до трехъ лѣтъ, хотя бы эти студенты по семейному положенію или физической негодности должны были быть освобождены отъ воинской повинности. Такимъ образомъ мѣра, противъ которой въ 1884-мъ году высказались всѣ великіе князья, и которую Александръ III не осмѣлился принять, была принята Ни-

колаемъ Александровичемъ. Воистину, къ нему приложимо французское изрѣченіе:

Quand il a peur il est terrible. (Когда его охватываетъ страхъ, онъ становится ужасенъ).

Съ этимъ страхомъ мы еще встрѣтимся въ теченіи всей исторіи жизни Николая II.

„Временныя правила“ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты начали приводиться въ исполненіе въ Кіевѣ, гдѣ 183 студента были отданы въ солдаты. Это вызвало повсемѣстно сильное негодованіе, какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Это не могло остаться безнаказаннымъ. Правительственный терроръ вызвалъ отпоръ со стороны студенчества.

Мстителемъ явился студентъ Петръ Карповичъ, смертельно ранившій 14 Февраля 1901 года министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, одного изъ виновниковъ изданія „временныхъ правилъ“ и ставленника Побѣдоносцева. Во время суда надъ нимъ выяснилась одна пикантная подробность. Явившись къ ми-

нистру въ качествѣ просителя, но съ намѣреніемъ стрѣлять въ него, онъ долженъ былъ ждать своей очереди. Рядомъ съ нимъ стоялъ Черниговскій городской голова, просившій разрѣшенія открыть въ Черниговѣ реальное училище. На эту просьбу Боголѣповъ отвѣтилъ, что надо доставить мотивированную докладную записку: много ли въ окрестностяхъ Чернигова богатыхъ помѣщиковъ и вообще зажиточныхъ классовъ, для которыхъ, по мнѣнію министра, только и нужно образованіе. „Въ настоящее время, говорилъ министръ, всѣ наши учебныя заведенія, къ сожалѣнію, служатъ пристанищемъ голытьбы, не находящей себѣ потомъ никакого примѣненія, неудовлетворяющейся ничѣмъ и производящей поэтому всякіе смуты и безпорядки!“

Понятно. что не это заявленіе министра могло остановить Карповича отъ исполненія его намѣренія. Судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ и къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 22-го мая 1901 года

бывшимъ студентомъ Николаемъ Лаговскимъ было произведено неудачное покушеніе на Побѣдоносцева.

Эти покушенія вызвали въ придворныхъ сферахъ ужасъ, и Николай II, боясь, чтобы и въ него не была брошена бомба,ересталъ совершенно показываться на улицахъ столицы.

Полиція приняла строжайшія мѣры... Всѣ либеральныя начинанія были забыты, заброшены и правительство возобновило систему Александра III-го.

Но напрасно Николай предполагалъ, что всесильной полиціи удастся совершенно подавить революціонное движеніе. Немного времени спустя послѣ покушенія на Побѣдоносцова были произведены въ Москвѣ два покушенія на Московскаго оберполиціймейстера Трепова. Вскорѣ Треповъ получилъ отъ центральнаго комитета соціалистовъ - революціонеровъ письмо, въ которомъ ему сообщалось, что революціонный комитетъ ему временно даритъ жизнь, такъ какъ „боевой организаціи" предстоитъ необходимость устра-

нить насильнымъ путемъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, болѣе высокопоставленное лицо. И дѣйствительно, 2-го Апрѣля того же года дворянинъ Балмашевъ убилъ согласно приговору „боевой организаціи“ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина.

Сипягинъ организовалъ невиданную травлю на русскую интеллигенцію. Убійство Сипягина, какъ видно изъ обвинительнаго акта, произошло при слѣдующей обстановкѣ:

2-го Апрѣля въ часъ дня къ Маріинскому дворцу, къ подъѣзду комитета министровъ, подъѣхалъ офицеръ въ формѣ адъютанта, и обратившись къ помощнику швейцара Парфенову, спросилъ: „Здѣсь ли министръ внутреннихъ дѣлъ?“ Получивъ отвѣтъ, что министра еще нѣтъ, офицеръ сказалъ: „ну я его быть можетъ застану на квартирѣ“ и отъѣхалъ по направленію къ Морской. Не доѣхавъ до этой улицы, карета на глазахъ Парфенова снова повернула къ дворцу и остановилась у подъѣзда. Офицеръ вы-

шелъ изъ кареты, быстро прошелъ въ подъѣздъ, и войдя на площадку, обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ швейцару Лукьянову и на отвѣтъ послѣдняго, что министръ еще не пріѣхалъ, сказалъ: „Надо лично подать бумагу отъ великаго князя Сергѣя Александровича". Въ эту минуту Лукьяновъ замѣтилъ, что ѣдетъ карета министра внутреннихъ дѣлъ и пошелъ на встрѣчу, готовясь снять пальто. Какъ только вошелъ министръ внутреннихъ дѣлъ, офицеръ подошелъ къ нему на встрѣчу и подавая пакетъ сказалъ: „у меня бумага Вашему Высокопревосходительству отъ великаго князя Сергѣя Александровича". Министръ остановился и переспросилъ: „отъ кого"? Офицеръ далъ тотъ же отвѣтъ, отступилъ шагъ назадъ и выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ Сипягина. Министръ со стономъ опустился на полъ. Лукьяновъ схватилъ офицера за правую руку, а затѣмъ послѣдовалъ третій выстрѣлъ, причемъ пуля попала въ выѣзднаго лакея. Послѣ того, какъ Лукья-

новъ поднялъ руку на офицера, раздались еще два выстрѣла и пули ударились въ потолокъ. Лукьяновъ вырвалъ револьверъ изъ рукъ офицера и схватилъ его за рукавъ... Тогда тотъ сталъ просить не держать его, говоря: „я сдѣлалъ все, что мнѣ было нужно".

Сипягинъ произнесъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ:.. „Сообщите Государю... хочу видѣть Государя... я никому не желалъ зла"... и въ 2 часа 25 минутъ скончался.

Офицеръ оказался переодѣтымъ студентомъ Балмашевымъ и сознался въ убійствѣ министра съ обдуманнымъ намѣреніемъ. Балмашевъ былъ переведенъ въ тюрьму и преданъ военному суду. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни. Послѣднее слово, сказанное подсудимымъ на засѣданіи военно-полеваго суда: „Господа судьи, мой защитникъ сказалъ все, что могъ въ мое оправ даніе, потому я въ свою защиту ничего говорить не стану. Я хочу только отвѣтить на вашъ вопросъ, кто былъ моимъ сообщникомъ, кто мнѣ помогалъ.

Единственнымъ моимъ сообщникомъ и помощникомъ было русское правительство. Я не отрицаю, что и раньше еще со школьной скамьи, равно какъ и въ бытность мою въ университетѣ, я велъ противоправительственную пропаганду, но я никогда не стоялъ за терроръ и насиліе. Напротивъ, я всегда былъ сторонникомъ правового порядка и конституціи. Русскіе министры убѣдили меня, что права и законности въ Россіи нѣтъ, что вмѣсто нихъ безнаказанно царятъ беззаконіе, произволъ и на, силіе, противъ которыхъ можно бороться только силой"...

На Николая II извѣстіе объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ произвело сильное, потрясающее впечатлѣніе... Въ кружкѣ приближенныхъ къ царю рѣшено было казнить дерзкаго преступника и царь принципіально заявилъ, что онъ не помилуетъ Балмашева.

Дѣйствительно, когда мать Балмашева, послѣ смертнаго приговора, подала на имя царя прошеніе о помилованіи

сына, Царь категорически заявилъ, что о помилованіи могла бы итти рѣчь лишь въ томъ случаѣ, еслибы самъ „преступникъ“ принесъ покаяніе и просилъ о монаршемъ прощеніи... Впрочемъ, онъ еще раньше не менѣе категорически заявилъ: „за Сипягина не помилую“.

Съ рѣдкимъ спокойствіемъ Балмашевъ взошелъ на эшафотъ и въ тотъ моментъ, когда палачъ вздернулъ его на висѣлицу, Николай II нашелъ у себя въ кабинетѣ записку, въ которой заявлялось, что смерть Балмашева будетъ кроваво отомщена.

Одновременно и вслѣдъ за этими покушеніями начались во всѣхъ студенческихъ городахъ волненія, причемъ въ нихъ приняли участіе рабочіе и даже военные. Правда, всюду администрація била, даже убивала демонстрантовъ, а студентовъ насильно отправляла въ войска, но движеніе нельзя было остановить. Въ Москвѣ, Бѣлостокѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Казани, Томскѣ, Ригѣ, и другихъ городахъ почти одновременно вспых-

нули безпорядки, причемъ въ Петербургѣ они носили наиболѣе рѣзкій характеръ.

Многотысячная толпа студентовъ, студентокъ и рабочихъ собралась на Казанской площади и потребовала отъ духовенства, чтобы оно отслужило панихиду въ память студентки Петровой, одной изъ жертвъ самодержавія, которая лишила себя жизни самосожженіемъ въ Петропавловской крѣпости. Понятно, что духовенство отказалось исполнить просьбу студентовъ. Вмѣсто священника явился Клейгельсъ съ казаками. Произошло возмутительное, позорное избіеніе беззащитныхъ, причемъ сотни были арестованы и искалѣчены; были и убитые.

Нельзя обойти молчаніемъ и финляндскія событія. Уже со вступленія на престолъ Николая II начались мелкія придирки къ Финляндской конституціи. Но активная борьба начинается съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи Бобрикова въ 1898 году. Чрезвычайному сейму предлагается ввести въ Финляндіи русскій военный уставъ. Сеймъ

отвергаетъ законопроэктъ. И вотъ манифестомъ 3 февраля 1899 года, составляющимъ государственный переворотъ и клятво преступленіе, Николай II устанавливаетъ новый порядокъ: новые законы могутъ быть издаваемы безъ согласія сейма, если они касаются общегосударственныхъ потребностей. На этомъ основаніи издаются указы: объ уничтоженіи свободы собраній и сходокъ, о введеніи русскаго языка въ оффиціальныя учрежденія, о смѣщеніи Финляндскихъ судей и чиновниковъ безъ суда, о подчиненіи сената генералъ-губернатору и др. Финляндцы протестовали противъ этихъ насилій и собрали адресъ, подъ которымъ подписалось болѣе 500,000 гражданъ.

Но Николай не принялъ ни адреса, ни депутатовъ и продолжалъ ту же политику. Населеніе приходитъ въ отчаяніе и массами покидаетъ страну; за одинъ 1902 годъ выселилось заграницу 22,265 челов. Это состояніе привело къ тому, что сынъ генерала и сенатора, чиновникъ Бауманъ выстрѣломъ изъ ре-

вольвера убилъ генералъ-губернатора Бобрикова и сейчасъ же покончилъ съ собою изъ того же револьвера.

Преслѣдованія въ Финляндіи вызвали тамъ на сцену классъ рабочихъ. И когда царское правительство послѣ несчастной войны съ Японіей принуждено было возвратить Финляндіи ея свободу (22 Октября 1905 года), то рабочій классъ составлялъ уже сильно сплоченную политическую партію. Это показали результаты выборовъ, происходившихъ весной 1907 года, когда соціалисты получили самое большое количество мѣстъ (84) въ Сеймѣ.

За студенческими безпорядками вспыхнули на югѣ Россіи невиданныя доселѣ крестьянскія волненія. Отчасти вызванныя революціонной пропагандой эти волненія имѣли главной причиной голодъ. Всюду крестьяне толпой подъѣзжаютъ на повозкахъ къ помѣщичьимъ усадьбамъ, вызываютъ барина, просятъ его добромъ подѣлиться хлѣбомъ, иногда даже предлагаютъ плату, конечно, низ-

кую; а получивъ отказъ, предлагаютъ помѣщику съ семьей сейчасъ же уѣхать; сами-же взламываютъ замки, наполняютъ телѣги хлѣбомъ и, иногда поджегши усадьбу, уѣзжаютъ домой. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне ни разу не прибѣгали къ насилію надъ личностью помѣщиковъ, хотя ихъ жизнь была всюду въ рукахъ толпы.

Правительство приняло строжайшія мѣры къ подавленію безпорядковъ, которые перебросились въ Кіевскую, Саратовскую, Черниговскую, Воронежскую и Тамбовскую губерніи.

Возставшія деревни Полтавской и Харьковской губерніи скоро были наводнены сворой полицейскихъ, казаковъ и солдатъ съ губернаторами во главѣ и пошла свистать розга... Сѣкли безпощадно, звѣрски; пороли такъ, что изо рта и носа жертвы текла кровь; давали по 100, даже по 200 ударовъ. Въ трехъ деревняхъ Полтавской губерніи выпороли поголовно все населеніе: и стариковъ, и дѣтей, и дѣвушекъ; у многихъ отъ

порки отваливались куски мяса; нѣкоторыхъ засѣкали до смерти. Нѣсколько крестьянъ сами повѣсились, не вынесши унизительнаго истязанія. Особенно звѣрски неистовствовалъ харьковскій губернаторъ Оболенскій. Это вызвало неудачное покушеніе Качура на князя Оболенскаго. Первый поплатился каторгой, а Оболенскій попалъ въ генералъ-губернаторы Финляндіи послѣ убійства Бобрикова.

Сипягина замѣстилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве. Тупаго реакціонера смѣнилъ хитрый полицейскій. Плеве—старый знакомый. Въ 1881 году онъ былъ директоромъ департамента полиціи. Онъ принималъ большое участіе въ разгромѣ „Народной Воли". Съ тѣхъ поръ онъ оставался въ тѣни. О немъ вспомнили тогда, когда „боевая организація" партіи соціалистовъ-революціонеровъ возобновила тактику борьбы „Народной Воли".

Напрасно новый министръ внутреннихъ дѣлъ принималъ особыя мѣры и

оффиціально заявилъ, чтс ему удастся уничтожить въ Россіи крамолу, — движеніе нельзя было остановить.

Правительство, желая во что бы то ни стало сохранить самодержавный режимъ, вполнѣ подчинилось указаніямъ Плеве, а онъ, преслѣдуя девизъ: „Россія для русскихъ“, то есть, для православныхъ, тѣснилъ и давилъ безпощадно всѣ другія народности, входящія въ составъ государства Россійскаго.

Благодаря Плеве, Россія превратилась въ царство произвола. Каждый гражданинъ обезличивался и достаточно было лишь малѣйшаго подозрѣнія, чтобы быть арестованнымъ ночью жандармами и пропасть затѣмъ безъ вѣсти... Малѣйшее либеральное движеніе было уже государственнымъ преступленіемъ.

Вскорѣ за Финляндскимъ разгромомъ наступила очередь за Польшей, а затѣмъ за армянами, у которыхъ насильно были отобраны права и церковныя имущества.

Убійство Елизаветпольскаго губернатора Андреева, покушеніе на главно-

начальствующаго на Кавказѣ—послужили отвѣтомъ армянскаго народа.

За поляками и армянами наступила очередь за евреями. Погромы, учиненные по инниціативѣ Плеве въ Кишиневѣ, Гомелѣ, Могилевѣ и т. д., вызвали даже среди интеллигентнаго, сознательнаго русскаго общества рѣзкій протестъ, и процессъ противъ Кишиневскихъ громилъ лучше и ярче всего показалъ, какъ правительство отнеслось къ этимъ кровавымъ бойнямъ. Плеве успѣлъ увѣрить Николая II, что евреи сами во всемъ виноваты, и царь былъ настолько наивенъ, что повѣрилъ суровому временщику... Что касается войны съ Японіей, то Плеве былъ ея сторонникомъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на отвлеченіе отъ внутренней смуты.

Но въ то время какъ всемогущій министръ хвастался, что всѣ революціонныя партіи имъ искоренены, и что скоро въ Россіи настанетъ миръ, „боевая организація“ подготовляла на него покушеніе.

Еще въ мартѣ 1904 года подготовлялось покушеніе на его жизнь, но снаряжавшій бомбы А. Покотиловъ былъ убитъ разорвавшимся снарядомъ и боевой организаціи пришлось начать работу сызнова.

Для исполненія своего замысла она воспользовалась тѣмъ, что Плеве обыкновенно ѣздилъ по четвергамъ съ министерской дачи на Балтійскій вокзалъ для представленія очередныхъ докладовъ въ Петергофѣ. Выполненіе убійства приняли на себя Сазоновъ и Сикорскій.

Утромъ 15 Іюля Сазоновъ и Сикорскій находились уже передъ домомъ „Варшавской гостинницы" со снарядами. Когда карета министра поравнялась съ ними, то Сазоновъ, подбѣжавъ къ каретѣ, бросилъ въ нее бомбу. Министръ былъ убитъ наповалъ; кучеръ и другіе прохожіе — ранены. Сазоновъ также былъ раненъ и потерялъ сознаніе. Очнувшись, онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ соціализмъ,—мы сдѣлали свое дѣло!" и пытался достать револьверъ, но его не до-

пустили до этаго. Сикорскій успѣлъ бѣжать, и желая потопить снарядъ нанялъ лодочника и поѣхалъ кататься по Невѣ. Но лодочникъ замѣтилъ, что онъ бросилъ какой-то предметъ въ воду и, когда они пристали къ берегу, заявилъ объ этомъ. Сикорскаго сейчасъ же арестовали.

Убійство Плеве произвело въ Россіи сильное впечатлѣніе, и общество вслухъ высказывало, что Плеве вполнѣ заслужилъ то наказаніе, къ которому присудила его революціонная партія. Даже среди чиновниковъ всѣ симпатіи были на сторонѣ Сазонова. Да само правительство почувствовало себя послѣ убійства Плеве въ чрезвычайно странномъ, неловкомъ положеніи... Всюду чувствовалась растерянность, и Николай Александровичъ понималъ, что духъ времени требуетъ, чтобы государство пошло на уступки, облегчило и улучшило положеніе „подданныхъ“.

Послѣ долгихъ поисковъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ кн.

Святополкъ-Мирскій, слывшій за либерала. Въ первой рѣчи новый министръ заявилъ свою программу, говорилъ о довѣріи, далъ понять, что онъ намѣренъ измѣнить внутреннюю политику, и что система Плеве предается забвенію. Разрѣшеніе земскаго съѣзда, нѣкоторыя послабленія печати дали иллюзію „новаго курса“.

Измученное общество начало надѣяться, что для Россіи наступила политическая весна. Правда, всѣ прекрасно понимали, что Святополку-Мирскому придется бороться съ сильной бюрократической партіей, но общество надѣялось, что ему удастся выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Заграничная русская печать иллюзій себѣ не дѣлала. Въ „Освобожденіи“ писали о новомъ министрѣ:“ онъ никакого авторитета съ собою не приноситъ. Это не графъ Лорисъ-Меликовъ, который явился на постъ директора-реформатора, покрытымъ славой боевой генераломъ, покорителемъ Карса. Это не графъ Д. Толстой, став-

шій во главѣ самодержавной полиціи по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣ того какъ онъ истерзалъ Россію своимъ 14-лѣтнимъ управленіемъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Это даже не графъ Игнатьевъ, дипломатъ Пекинскаго и Санъ-Стефанскаго договоровъ. Авторитета, заслугъ, программы Святополкъ-Мирскій не принесъ съ собою никакихъ. Но не лежитъ на нынѣшнемъ шефѣ жандармовъ и особой, лично имъ пріобрѣтенной, печати отверженія... Это лично добрый человѣкъ, почти никому и почти ничѣмъ съ политической стороны неизвѣстный. Впрочемъ, намъ достовѣрно извѣстно, что онъ не одобрилъ противоземской рѣчи 17 Января 1895 года о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“...

Программа его встрѣтила яраго противника въ лицѣ Побѣдоносцева. Послѣдній, по ознакомленіи съ замыслами Святополка-Мирскаго, явился къ царю и убѣждалъ его не слушать увѣщаній новаго министра: что предполагаемыя

его реформы поведутъ страну къ гибели. Когда послѣ того министръ прибылъ во дворецъ съ докладами, царь встрѣтилъ его крайне холодно и сталъ дѣлать множество возраженій противъ его проэктовъ, Святополкъ-Мирскій отвѣтилъ ему слѣдующее: «хотя я прихожусь родственникомъ покойному Сипягину, но я не раздѣлялъ его взглядовъ. Въ самый день его убійства я подалъ прошеніе объ отставкѣ. Только чувство долга побудило меня остаться на своемъ посту. Я земскій человѣкъ, а не бюрократъ». Затѣмъ министръ заявилъ о своей готовности уйти въ отставку, но царь отставки не принялъ и, послѣ долгаго разговора съ княземъ, снова согласился съ его предположеніями. Интересно прослѣдить, какое впечатлѣніе произвела на Николая II новая политика умиротворенія.

„Рев. Россія“ по этому поводу въ свое время писала слѣдующія строки: „Замѣчаемыя колебанія Мирскаго въ „новомъ курсѣ“ объяснили непрочностью

положенія новаго министра и личнымъ поведеніемъ Николая, который отъ времени до времени и совершенно неожиданно для власть имущихъ вдругъ начиналъ упрямо упираться. Оказывается, что онъ никому не вѣрилъ и никого къ себѣ близко не подпускалъ, разсматривалъ въ тоже время всѣ теперешнія несчастья и новшества, какъ временныя испытанія, ниспосылаемыя на него свыше за грѣхи предковъ. Слово „конституція“ приводило его въ самое дурное „расположеніе духа“...

„Весна“ прошла скоро. Посыпавшіяся кары на печать, царская резолюція на адресѣ Черниговскаго земства, объявляющая ихъ либеральныя домогательства „дерзкими и безтактными“, запрещеніе земскаго съѣзда.—все это указывало на то, что вліяніе Святополкъ-Мирскаго падаетъ.

Съѣздъ земскихъ представителей все таки состоялся, но газеты получили приказаніе не говорить о немъ ни слова. Своими одинадцатью резолюціями съѣздъ

требовалъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданій, свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ, неприкосновенности личности и жилища и созванія народныхъ представителей для участія въ законодательствѣ. Всѣ классы общества волновались. Земства, студенчество, рабочіе громко требовали реформъ и свободы. Приходилось принять рѣшительныя мѣры. Совѣщаніе, состоявшееся 2 декабря въ Царскомъ Селѣ подъ предсѣдательствомъ Николая II-го, не дало большихъ результатовъ. На совѣщаніи кромѣ великихъ князей присутствовали министры: Святополкъ-Мирскій, Витте, Муравьевъ, Коковцевъ и Побѣдоносцевъ. Въ программѣ засѣданія стоялъ вопросъ о реформахъ.

Первымъ говорилъ Муравьевъ и произнесъ длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что юридически царь не вправѣ измѣнить существующій политическій строй. Это дикое мнѣніе было легко опровергнуто Святополкъ-Мирскимъ, указавшимъ на издающіяся еже-

дневно новыя законоположенія, отмѣняющія и дополняющія старыя. Если придерживаться мнѣнія Муравьева, то царь долженъ совершенно воздержаться отъ законодательной дѣятельности. По его мнѣнію положеніе не можетъ долго такъ продолжаться и онъ предлагалъ нѣкоторыя реформы, какъ уничтоженіе паспортной системы, введеніе свободы печати, и включеніе выборныхъ представителей отъ земства въ Государственный Совѣтъ.

За нимъ Коковцевъ, къ удивленію большинства присутствовавшихъ, старался убѣдить царя, что если народнымъ представителямъ будетъ дано право контроля надъ дѣйствіями правительства, то царское право свободнаго распоряженія рессурсами страны будетъ ограничено.

Витте въ краткой рѣчи опровергъ эти утвержденія и показалъ невозможность дальнѣйшаго существованія безъ обширныхъ экономическихъ и политическихъ реформъ.

Совѣщаніе приняло драматическій характеръ, когда Побѣдоносцевъ энергично выступилъ на помощь Муравьеву и Коковцеву. Онъ напомнилъ царю, что онъ не только свѣтскій владыка, но и духовный, и что онъ обязанъ руководствоваться соображеніями не только политическаго, но и религіознаго характера. Кромѣ того, царь, глава свѣтскій и духовный, получилъ свою власть отъ предковъ и съ божьяго соизволенія, а потому онъ не можетъ отказаться отъ нея по собственной волѣ; его долгъ — оставить своимъ потомкамъ Богомъ данное наслѣдіе неумаленнымъ.

По поводу этого заявленія Витте тутъ же замѣтилъ: „если станетъ извѣстнымъ, что Государь Императоръ съ юридической и религіозной точки зрѣнія не можетъ по собственному желанію произвести коренныхъ реформъ, то часть населенія станетъ думать, что эти реформы могутъ быть достигнуты путемъ принужденія. Это явилось бы настоящимъ призывомъ къ революціи“.

ПУТЕШЕСТВІЯ НИКОЛАЯ II

ПУТЕШЕСТВІЯ НИКОЛАЯ II

Жестокая борьба русскаго правительства противъ революціонеровъ, либераловъ и всѣхъ лучшихъ людей Россіи, угнетеніе рабочаго движенія и порабощеніе всего народа со стороны полиціи вызываютъ сильное негодованіе не только противъ всей устарѣлой правительственной системы, но и противъ отдѣльныхъ ея представителей.

Все негодованіе и накопившееся чувство обиды, ненависти и униженія не имѣетъ возможности проявляться ле-

гально. Поэтому естественно, что оно проявляется противозаконно. Бѣлый терроръ угнетателей вызываетъ красный терроръ угнетенныхъ, — это непреклонный законъ исторіи, извѣстный уже древнимъ и среднимъ вѣкамъ и подтверждающійся теперь въ Россіи. Русскіе революціонеры не мѣтятъ на жизнь теперь царствующаго императора, потому что считаютъ его только „столбомъ, на которомъ положена корона“.

Николай II настолько несамостоятеленъ и слабъ, что служитъ только орудіемъ въ рукахъ всесильной бюрократіи. Поэтому и месть организованныхъ революціонеровъ направляется главнымъ образомъ противъ самыхъ ненавистныхъ представителей чиновничества, которые отличались какимъ нибудь позорнымъ подвигомъ, какъ, напримѣръ, Сипягинъ, Плеве, Оболенскій. На нынѣшняго царя организованные революціонеры, то есть, боевая организація соціалистовъ-революціонеровъ не дѣлала еще ни одного покушенія. За то революціонные одиночки,

или небольшія самостоятельныя группы ихъ дѣлали нѣсколько покушеній и на царя, или вѣрнѣе, дѣлали приготовленія для таковыхъ. Озлобленіе противъ правительства со стороны недовольныхъ элементовъ, да насильственная смерть Александра II заставили бояться покушеній не только слабаго и мнительнаго Николая II, но и Александра III. При послѣднемъ были приняты всѣ мѣры осторожности, чтобы избѣжать опасности. Онъ жилъ долгое время безвыѣздно въ дворцахъ въ Гатчинѣ и въ Царскомъ Селѣ, окруженный цѣлыми отрядами солдатъ; онъ самъ даже назвалъ себя плѣнникомъ революціи.

Николай II сначала былъ смѣлѣе Онъ отважился, какъ извѣстно, даже ходить безъ охраны по улицамъ Петербурга. Но скоро и онъ началъ бояться покушеній, и боязнь его, какъ кажется, съ годами увеличивается, По крайней мѣрѣ для безопасности его принимаются такія чудовищныя и смѣшныя мѣры, къ какимъ не прибѣгалъ еще ни одинъ монархъ.

Если царь собирается путешествовать, то это составляетъ важное событіе для всего населенія, имѣющаго несчастіе жить вблизи пути слѣдованія его и придирки полиціи и администраціи становятся невыносимыми.

Уже за нѣсколько недѣль линія желѣзной дороги, по которой проѣдетъ царь, оцѣпляется войскомъ и охраняется день и ночь. Повсюду чистка, ремонты, надзоръ и сыскъ. Когда царь на своемъ пути въ Саровскую пустынь долженъ былъ ѣхать по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, то на ней поднялась страшная суматоха.

Эта дорога прославилась на всю Россію своими безпорядками: поѣзда ходили черепашьимъ шагомъ, сталкивались другъ съ другомъ, сходили съ рельсовъ, желѣзнодорожные мосты покосились. шпалы погнили, насыпи были размыты, Объ этомъ много говорили, писали, жаловались куда слѣдуетъ, но ничего не предпринималось для улучшенія дороги. Такъ шли годы за годами до тѣхъ поръ,

пока царю не понадобилось ѣхать къ несуществующимъ мощамъ Серафима. Тогда все всполошилось. Изъ „свободной наличности“ государственнаго казначейства достали 1600000 рублей и все приводилось въ исправность.

Съ одной станціи царю приходилось 70 верстъ проѣхать на лошадяхъ. По этому пути все измѣняли и прикрашивали, чтобы царь не видѣлъ того, что есть; чтобы онъ не замѣтилъ, что настоящая русская деревня похожа скорѣе на большую навозную кучу, чѣмъ на селеніе людей; что на поляхъ нѣтъ того обилія плодовъ и того благополучія, о которыхъ министры ему говорятъ въ своихъ отчетахъ.

Вдоль всей дороги посадили березокъ, дороги выровняли и посыпали пескомъ, крестьянскимъ бабамъ приказывали выполоть вдоль всего пути сорныя травы. Дома, мимо которыхъ проѣзжалъ царь, велѣли покрыть тесомъ и даже желѣзомъ; уѣзднымъ предводителямъ дворянства поручили набрать среди кресть-

янъ 20,000 человѣкъ-добровольцевъ, которые стояли шпалерами вдоль всего пути.

Нельзя ярче обрисовать тѣ смѣшно-чудовищныя мѣры, которыя принимаетъ полиція при путешествіяхъ царя, какъ это сдѣлано въ тайныхъ циркулярахъ, изданныхъ Нижегородскимъ гуоернаторомъ Унтербергеромъ. Они останутся незабвенными документами исторіи для характеристики положенія царя въ своемъ государствѣ.

Приводимъ одинъ изъ этихъ документовъ:

Мѣры охраны, подлежащія къ принятію въ селеніяхъ по пути Высочайшаго слѣдованія отъ г. Арзамаса въ Саровскую пустынь и Дивѣевскій монастырь и обратно черезъ с. Глухово въ Арзамасъ.

1. Всѣ строенія, жилыя и холодныя, находящіяся на самомъ пути, такъ равно и на разстояніи десяти саженей въ обѣ стороны отъ дороги, за двое сутокъ до проѣзда тщательно осматриваются коммиссіей, состоящей изъ полицейскаго и жандармскаго (гдѣ таковые есть) офи-

цера, мѣстнаго сельскаго старосты и при участіи двухъ понятыхъ. Предсѣдателемъ въ комиссіи является старшій въ чинѣ офицеръ. Тѣ строенія, въ которыхъ нѣтъ особой надобности для хозяевъ, опечатываются ею, чтобы убѣдиться въ цѣлости ихъ.

Примѣчаніе. Если впослѣдствіи хозяевамъ встрѣтилась-бы особая надобность войти въ опечатанное строеніе, то это можетъ быть сдѣлано въ присутствіи той же коммисіи, и послѣ этого строеніе вновь опечатывается.

2. Въ упомянутыхъ выше строеніяхъ, послѣ осмотра, никто изъ постороннихъ, къ семьѣ хозяина не принадлежащихъ, оставаться не можетъ впредь до того времени, пока охрана не будетъ снята.

3. За сутки до проѣзда, въ каждый домъ, находящійся по пути слѣдованія, помѣщаются два охранника, которые слѣдятъ чтобы никто изъ постороннихъ въ домъ и во дворъ не входилъ.

4. За 4 часа до проѣзда помѣщаются съ задней стороны домовъ, лежащихъ

по пути, охранники, стражники или воинскіе чины, по мѣрѣ надобности, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы на дорогу, по которой имѣетъ быть проѣздъ, никто не выходилъ.

5. Всѣ выходящія на улицы окна или отверстія на чердакахъ заколачиваются.

6. Полиціей и сельскими властями устанавливается строгій надзоръ за всѣми живущими въ селеніяхъ и за тѣмъ, что вообще происходитъ въ селеніяхъ. За двое сутокъ до Высочайшаго проѣзда селеніе должно быть очищено отъ всѣхъ неизвѣстныхъ лицъ.

7. Съ ранняго утра дня Высочайшаго проѣзда въ попутныхъ селеніяхъ всѣ собаки должны быть на привязи и находящійся въ селеніи скотъ загнанъ.

Губернаторъ
Генералъ-Лейтенантъ Унтербергеръ.

Это только одинъ изъ перловъ охранной литературы. Всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что для безопасности возлюбленнаго монарха, всѣ находящіеся

на пути его свободные люди должны быть на привязи подобно собакамъ или, вмѣстѣ со скотомъ, „загнаны“. Большей любви, привязанности и довѣрія къ своему народу нельзя проявить!...

Страхъ не покидаетъ возлюбленнаго монарха и тогда, когда онъ оставляетъ свою страну и путешествуетъ заграницей. Интересную характеристику царскаго визита у Франца-Іосифа даетъ Вѣнская газета «Zeit», сопоставляя положеніе Эдуарда англійскаго, Вильгельма нѣмецкаго и нашего Николая.

„Царь былъ въ Вѣнѣ. Чтобы не пропустить момента, приходилось ожидать буквально съ часами въ рукахъ. Тамъ, гдѣ Вѣна называется уже „Gross-Wien“, поспѣшно и робко вышелъ изъ своего тщательно замаскированнаго салонъ-вагона самодержецъ всей Россіи и посреди многихъ тысячъ солдатъ и жандармовъ, разставленныхъ почти у стѣнъ уличныхъ зданій, отправился въ Шенбруннъ. А потомъ опять между саблями, ружьями и штыками къ другому вокзалу. Назадъ

тому немного недѣль прибылъ въ Вѣну другой могущественный государь — полная противоположность тому, который сейчасъ проѣхалъ мимо насъ — король англійскій Эдуардъ VII. Народъ толпами валилъ къ вокзалу, чтобы повидать интереснаго гостя. Посреди тѣсной толпы привѣтливо кланяющихся людей, которыхъ не оттѣснили къ стѣнѣ шпалеры войскъ, король проѣхалъ по улицамъ нашего города во дворецъ. Свободно и безбоязненно двигался онъ повсюду, позволивъ себѣ даже, для своего удовольствія, внѣпрограмную прогулку въ жокей-клубъ.

Потомъ прибылъ императоръ Вильгельмъ. Вѣна и его сердечно привѣтствовала. Онъ также ѣхалъ въ открытой коляскѣ по всему городу, и солдаты, окаймлявшіе путь, стояли тутъ не для охраны, а скорѣе для украшенія, для праздничнаго удовольствія любящаго военное дѣло императора. Онъ сидѣлъ въ театрѣ, въ воскресенье отправился на литургію въ свою церковь. И этотъ

государь также чувствовалъ себя въ Вѣнѣ спокойно.

Три пріема, которые мы нынѣ наблюдали въ такіе короткіе промежутки времени, суть символы, политическіе символы, признаки, характерные для политическлго положенія тѣхъ странъ, къ которымъ принадлежали „высокіе“ гости. Каждый изъ нихъ получилъ такой пріемъ, какой заслуживаетъ его политическая система.

Верховный глава онглійскаго государства прибылъ изъ свободнѣйшей страны Европы, изъ міровой державы, въ которой народъ самъ правитъ собой и въ королѣ видитъ не болѣе и не менѣе, какъ позолоченную верхушку своего горделиваго государственнаго строенія. Англичанинъ свободенъ и не боится своего государя—и государь его свободенъ и не боится своего народа. Потому король Эдуардъ не чувствовалъ страха и передъ вѣнскимъ населеніемъ.

Императоръ Вильгельмъ, любящій подчеркивать, что онъ „Божьей милостью“

король Пруссіи, чувствующій себя своимъ собственнымъ канцлеромъ... требуетъ уже другой обстановки. Онъ имѣетъ враговъ и не боится ихъ. Онъ желаетъ показывать мощь и хочетъ видѣть ее вокругъ себя. Онъ идетъ въ толпу, но онъ хочетъ, чтобы ей было ясно, кто идетъ... Не охраняемъ, а привѣтствуемъ онъ желаетъ быть солдатами.

Точно не совершеннолѣтнимъ, далеко еще не созрѣвшимъ для самоопредѣленія народомъ, управляетъ царь своими русскими. Валы и рвы окружаютъ царское величіе, а жестокая полиція на пушечный выстрѣлъ очищаетъ окрестность отъ каждаго подданнаго. Интелигенція страны считается злѣйшимъ врагомъ царской власти. Ни дома, ни въ гостяхъ не чувствуетъ онъ себя въ безопасности, если тысячи не защищаютъ его отъ милліоновъ, защитникомъ и опорой которыхъ избрала его судьба. Всякій и каждый въ его обширномъ государствѣ дрожитъ передъ его неограниченной властью; онъ же и дома, и на чужбинѣ блѣднѣетъ при

одномъ видѣ свободныхъ людей. Лишь посреди лакеевъ и солдатъ, слѣпо слѣдующихъ командѣ, онъ полагаетъ свою жизнь въ безопасности“.

Когда узнали, что царь собирается пріѣхать въ Италію, итальянскіе соціалисты начали оживленную агитацію, противъ царя. Во время засѣданія итальянской палаты, соціалистскій депутатъ Моргари сдѣлалъ запросъ правительству относительно пріѣзда царя. Получивъ утвердительный отвѣтъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, Моргари заявилъ: „передайте въ Петербургъ, что если царь рѣшится пріѣхать въ Италію, мы его освищемъ“.

Пароль былъ брошенъ; соціалисты взялись за работу. Римскій соціалистическій союзъ, на долю котораго выпала главная работа по устройству подобающей встрѣчи царя, выработалъ слѣдующую программу „торжествъ“:

1) Въ день пріѣзда царя въ Италію всѣ рабочіе и крестьяне воздерживаются

отъ труда, вступая такимъ образомъ во всеобщую стачку.

2) Въ опредѣленный часъ народъ долженъ собраться на площади для подачи коллективнаго протеста.

3) По всей линіи слѣдованія царя народъ призывается къ свисту.

Издавались листки и брошюры во всѣхъ мѣстахъ по предполагаемому пути царя. Съорганизовались комитеты для приведенія въ исполненіе задуманнаго освистанія. Римскій союзъ предлагалъ свистки въ большомъ количествѣ за незначительную цѣну.

Вслѣдствіе этого царь отказался отъ поѣздки въ Италію. Это первый случай въ исторіи, когда монархъ отказывается отъ посѣщенія страны, благодаря протесту народа.

НИКОЛАЙ II И ЦАРСКАЯ ФАМИЛІЯ

НИКОЛАЙ II И ЦАРСКАЯ ФАМИЛІЯ

Первая статья I тома свода законовъ гласитъ:

„Императоръ Россійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный, повиноваться верховной его власти не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ". Какъ видно, размахъ законодателя очень большой— онъ говоритъ отъ имени самаго Бога. При этомъ императоръ считаетъ себя не только неотвѣтственнымъ и неприкосновеннымъ, но и священнымъ.

Эти качества помазанника выражаются въ статьѣ 241 Уложенія о наказаніяхъ, которая опредѣляетъ лишеніе всѣхъ правъ и смертную казнь за „всякое злоумышленіе и всякое преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія и чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое либо насиліе“.

Такое наказаніе полагается за умыселъ, укрывательство и недоносительство. Какъ видно, царь, какъ источникъ всякаго законодательства, объявляетъ себя священнымъ и отъ имени Бога приказываетъ повиноваться себѣ. При этомъ за посягательство на свою власть онъ опредѣляетъ гораздо большія наказанія, чѣмъ за посягательство на Бога.

Не только царь, но и вся компанія великихъ князей занимаетъ по русскимъ законамъ привилегированное положеніе.

Основные законы точно опредѣляютъ

титулы, какіе полагаются различнымъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ и княжнамъ императорской крови, кого звать цесаревичемъ, кого высочествомъ и т. д. Потомъ въ длинномъ рядѣ статей перечисляются гербы и ордена, какіе кому полагаются. Великіе князья уже при крещеніи получаютъ ордена: Св. апостола Андрея Первозваннаго, С. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны и Св. Станислава первой степени. Это полагается за подвиги, совершенные великими князьями отъ рожденія до крещенія.

Въ неограниченныхъ монархіяхъ, какъ Россія, царь самъ опредѣляетъ свой цивильлистъ. Въ Россіи цивильлистъ существуетъ только съ конца XVIII столѣтія, со времени Павла I. До него русскіе государи не отдѣляли своихъ личныхъ имуществъ отъ государственныхъ, разсматривая всю Россію за свою личную собственность и соотвѣтственно ею распоряжаясь. Павелъ I раздѣлилъ Россію на двѣ части: одну

часть оставилъ какъ государственную собственность, а другую, меньшую, взялъ себѣ, какъ свое личное имѣніе. За царской фамиліей остались очень обширныя пространства земли и нѣсколько милліоновъ крестьянъ, которые получили названіе удѣльныхъ.

И теперь еще русскіе цари самые богатые люди на свѣтѣ; удѣльнымъ вѣдомствомъ, то есть, въ собственности царской семьи числится около сороковой части Россіи.

Но не смотря на это, царская семья беретъ еще много денегъ изъ государственнаго казначейства. На министерство императорскаго двора отпускается болѣе 16 милліоновъ рублей.

Изъ Государственной казны получаютъ „жалованье“ императрица, наслѣдникъ престола и его супруга, дѣти императора, внуки и правнуки. Праправнуки содержанія уже не получаютъ, но за то имъ даются заповѣдныя имѣнія, приносящія ежегодно не менѣе

100,000 рублей дохода и принадлежащія ихъ роду.

Императрица получаетъ изъ государственной казны 200,000 руб. въ годъ и кромѣ того содержаніе двора. Это жалованье сохраняется и въ вдовствѣ, если императрица остается въ Россіи. Если же она переѣзжаетъ жить за границей, то она получаетъ только половину этого. Наслѣднику престола дается изъ государственной казны 100,000 руб. Его женѣ 50,000 руб. въ годъ. Въ вдовствѣ послѣдняя получаетъ, живя въ Россіи, 100,000 и содержаніе двора; живя заграницей—половину этого.

Кромѣ того изъ государственной казны берется приданное для великихъ княженъ и княженъ императорской крови.

И такъ, многочисленная царская фамилія поглощаетъ въ Россіи огромныя богатства. Одной прислуги въ различныхъ царскихъ и великокняжескихъ дворахъ насчитывается до 20,000 чел.

Что же получаетъ Россія за эти гро-

мадныя жертвы? Роль царя мы уже видѣли и пришли только къ отрицательнымъ выводамъ. Но и великіе князья приносятъ Россіи несравненно больше вреда, чѣмъ пользы.

Не получая достаточнаго образованія и не обладая особенными способностями, они получаютъ выдающіяся мѣста въ администраціи и по военной службѣ. Они считаются прирожденными администраторами и полководцами и въ качествѣ таковыхъ причинили уже не мало вреда. Всѣмъ памятна еще роль Николая Николаевича, главнокомандующаго въ русско-турецкой войнѣ, благодаря неспособности и неумѣнію котораго многія тысячи русскихъ людей погибли въ снѣгахъ Балканскихъ горъ.

Для того, чтобы угодить своему брату Александру II, великій князь захотѣлъ взять Плевну какъ разъ къ его именинамъ и погубилъ такимъ образомъ въ совершенно безсмысленномъ штурмѣ нѣсколько тысячъ людей.

Танцовщица, которая въ это время

держала великаго князя подъ своей туфлей, разъѣзжала повсюду вмѣстѣ съ нимъ и была главнокомандующимъ. По ея указаніямъ распредѣлялись награды и ордена. Когда, наконецъ, Николая Николаевича смѣстили, новому главнокомандующему трудно было поправить всѣ ошибки, сдѣланныя великимъ княземъ. Но о десяткахъ тысячъ человѣческихъ жизней, пожертвованныхъ по его легкомыслію, рѣдко кто вспоминаетъ!..

Несмотря на многократные неудачные опыты, великіе князья, получающіе уже въ пеленкахъ всякіе чины и ордена, назначаются на самые высокіе и отвѣтственные посты и будутъ назначаться до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самодержавіе.

Иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ сущности они сами, вліяя на царя, правятъ государствомъ. Около нихъ группируются узлы интригъ и государственныхъ подвоховъ; черезъ нихъ различные льстецы и пресмыкающіеся добираются до министерскихъ троновъ...

Не легко будетъ русской революціи очистить эти Авгіевы конюшни!

Въ своей личной жизни русскіе великіе князья славятся необдуманнымъ распутствомъ. Народныя денежки швыряются безъ мѣры и безъ счета на вино и женщинъ, и если не хватаетъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя отпускаются имъ изъ государственной казны и выручаются изъ заповѣдныхъ имѣній, то дѣлаются долги на счетъ страны или забираются общественныя деньги.

Всѣмъ извѣстна исторія съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, который былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ церкви въ память Александра II. Великій князь растратилъ 60,000 рублей изъ отпущенныхъ на постройку денегъ и церковь осталась неоконченной въ теченіе 20 лѣтъ, пока изъ государственной казны не пополнили растрату.

Сынъ не могъ не пойти по стопамъ своего отца. Когда великій князь Борисъ Владиміровичъ прибылъ въ главную квар-

тиру въ Мукденъ, то оказалось, что онъ привезъ съ собою цѣлый гаремъ. Куропаткинъ потребовалъ отъ него объясненій; между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

„Я обращаю вниманіе Вашего Высочества, что я не потерплю подобнаго поведенія въ лагерѣ русской арміи“, заявилъ Куропаткинъ великому князю Борису и потребовалъ, чтобы великій князь немедленно отправилъ назадъ „этихъ дамъ“.

„Что это вамъ, Ваше Высокопревосходительство, взбрело въ голову? отвѣтилъ великій князь. — Развѣ вы не знаете, кто стоитъ передъ вами?“

„Конечно, Ваше Высочество, отвѣтилъ Куропаткинъ.—Вы поручикъ гвардіи, великій князь Борисъ Владиміровичъ, а я главнокомандующій русской арміею и приказываю вамъ немедленно удалить этихъ дамъ изъ лагеря“.

Въ отвѣтъ на это великій князь. сильно возбужденный, выхватилъ шпагу и ранилъ генерала въ носъ. Послѣ

этого скандала главнокомандующій нѣсколько дней не выходилъ, по нездоровью...

Объ этомъ инцидентѣ было сейчасъ же сообщено по телеграфу въ Петербургъ и, въ виду серьезнаго положенія русской арміи, великій князь Борисъ былъ отозванъ.

Эти примѣры характеризуютъ великокняжескую среду и придворныя сферы, въ которыхъ еще со временъ Екатерины Великой господствуетъ самый необузданный и утонченный развратъ.

Въ семьѣ не безъ урода. И въ царской фамиліи находятся отдѣльные члены, которые не повинуются установленному режиму и проявляютъ непозволительное „вольнодумство“, нарушая установленныя традиціи... Русскимъ великимъ князьямъ позволяется жениться только на особахъ, имѣющихъ княжескіе титулы, и то только съ разрѣшенія царя. За несоблюденіе этого положенія былъ удаленъ въ 1903 году со службы великій князь Павелъ Александровичъ: —

На одномъ изъ придворныхъ баловъ вдовствующая императрица обратила вниманіе, что на Мадамъ Пистолькорсъ то самое брилліантовое колье, которое она когда то подарила покойной женѣ Павла Александровича. Послѣдній былъ призванъ къ отвѣту, и покаялся, что находится въ связи съ Пистолькорсъ, Тогда послѣдовала высочайшая репрессія по адресу мужа Пистолькорсъ. занимающаго довольно видную должность за то, что онъ смотритъ сквозь пальцы на свои рога. Между супругами начался бракоразводный процессъ. Для расторженія брака понадобилось разрѣшеніе царя, которое тотъ далъ только послѣ того, какъ Павелъ Александровичъ торжественно поклялся не жениться на Пистолькорсъ.

Пока шелъ бракоразводный процессъ, Павелъ Александровичъ переводилъ заграницу свои капиталы, а по окончаніи процесса переѣхалъ самъ заграницу и повѣнчался въ Ливорно съ Пистолькорсъ.

Предварительно Павелъ Александро-

ровичъ обратился къ царю за разрѣшеніемъ повѣнчаться Въ своемъ прошеніи онъ указалъ, что и Александръ II, сейчасъ же послѣ смерти своей супруги повѣнчался съ княжной Юрьевской-Долгоруковой, для того, чтобы узаконить трехъ дѣтей, которыхъ она ему родила еще при жизни законной жены.

Государь не далъ разрѣшенія. Павелъ Александровичъ не единственный членъ Императорской фамиліи, который преслѣдуется за „недозволенный" бракъ. — То же произошло и съ великимъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ и Николаемъ Константиновичемъ. Послѣдній былъ высланъ подъ строгимъ надзоромъ въ Оренбургъ, гдѣ онъ безъ разрѣшенія царя женился на дочери полиціймейстера. Потомъ его сослали въ Туркестанскую область, гдѣ онъ жилъ въ страшной глуши. Теперь Николаю Константиновичу позволено жить въ небольшомъ городкѣ на южномъ берегу Крыма, въ Балаклавѣ.

Въ городкѣ, гдѣ раньше государст-

венная власть была представлена однимъ скучающимъ городовымъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ поселились 15 жандармскихъ унтеровъ, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ высокаго обывателя...

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пока либералы и разночинцы топтались на одномъ мѣстѣ, составляли адреса, резолюціи и ждали реформъ сверху, революціонная пропаганда разными путями проникала въ темную массу фабрично-заводскихъ рабочихъ. Массовыя рабочія забастовки 1902 и 1903 гг., вызванныя въ значительной мѣрѣ революціонной пропагандой, заставили правительство обратить вниманіе на рабочихъ.

Оно видѣло, что одно преслѣдованіе пропагандистовъ не достигаетъ цѣли и

рѣшило посредствомъ контръ-пропаганды отвлечь рабочихъ отъ политическихъ требованій.

Отсюда появилась такъ-называемая „зубатовщина“, по имени ея главнаго организатора Зубатова. Съ соизволенія администраціи онъ сталъ организовать рабочія общества, ставящія себѣ цѣлью охранять экономическіе интересы рабочихъ. Для этого онъ съумѣлъ привлечь въ качествѣ лекторовъ весьма почтенныхъ людей. Это сопровождалось преслѣдованіемъ сознательныхъ рабочихъ и устраненіемъ ихъ охраннымъ порядкомъ. Подобныя рабочія общества изъ Москвы перекинулись и въ другіе города. Но московскіе фабриканты скоро стали жаловаться, и Зубатовскія общества были закрыты въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ еще при жизни Плеве было учреждено „Русское общество рабочихъ“ для защиты экономическихъ интересовъ рабочихъ. Предсѣдателемъ и руководителемъ общества былъ священникъ Георгій Гапонъ. Правительство

явно считало его своимъ агентомъ и не стѣсняло его. Къ осени 1904 г. общество имѣло 10 отдѣловъ въ Петербургѣ и одно въ Колпинѣ

Приподнятое настроеніе всѣхъ классовъ населенія во второй половинѣ 1904 года не могло остаться безъ вліянія и на эти общества, обратившіяся въ школу политическаго мышленія. Несмотря на то, что инициаторы старались удержать свои аудиторіи въ предѣлахъ своей программы, политическія пренія возбуждались все чаще и чаще.

Имѣлъ ли Гапонъ уже раньше политическіе планы и скрывалъ ихъ до поры до времени, организуя рабочихъ для экономической борьбы подъ крылышкомъ жандармскихъ властей, или только событія послѣдняго времени толкнули его съ мирной экономической борьбы на широкое поприще политическихъ требованій, это разберетъ исторія. Какъ бы то ни было онъ послужилъ агентомъ такого сильнаго удара самодержавію и всей монархической идеѣ, какого не

могла нанести въ такое короткое время ни одна политическая партія.

Онъ поколебалъ вѣру въ царя, тотъ предразсудокъ о благоволеніи царя къ народу, который коренится въ душѣ темныхъ слоевъ народа. Онъ показалъ народу безсмысленность надежды на царя. Онъ создалъ почву для революціи. Пули, которыми были встрѣчены рабочіе, отправившіеся къ царю съ петиціей, убили вѣру въ царя. Гапону и его товарищамъ надо было воспользоваться какимъ нибудь крупнымъ событіемъ для внушительнаго выступленія на сцену. Такимъ событіемъ послужила забастовка всѣхъ рабочихъ на Путиловскомъ заводѣ 3 Января 1905 года. Начались агитація и составленіе извѣстной петиціи рабочихъ. 6-го Января было уже 38 тысячъ забастовавшихъ, и уже явно опредѣлился политическій характеръ всего стачечнаго движенія. Во всѣхъ отдѣлахъ съ утра до ночи говорили ораторы, читалась петиція, и десятки тысячъ рабочихъ проходили черезъ помѣщенія от-

дѣловъ, подписывая эту петицію. Въ общемъ подъ нею подписалось болѣе 35 тысячъ рабочихъ. Всѣ эти дни Гапонъ былъ неутомимъ: по цѣлымъ днямъ онъ разъѣзжалъ изъ одного отдѣла въ другой, произнося сильныя рѣчи. Полиція не принимала никакихъ особыхъ мѣръ противъ этой агитаціи. Очевидно, правительству или администраціи, нужно было показать призракъ революціи, чтобы покончить съ надоѣдливой „весной"... 7 Января рѣшено было итти всѣмъ рабочимъ въ ближайшее воскресенье, 9 Января, къ 2-мъ часамъ дня на площадь Зимняго Дворца для передачи петиціи царю, котораго Гапонъ извѣстилъ объ этомъ не только черезъ Святополкъ-Мирскаго, но и личнымъ письмомъ.

Повсюду рѣшено было не прибѣгать ни къ какимъ революціоннымъ возгласамъ, не выкидывать красныхъ знаменъ и вообще избѣгать всего, что могло бы помѣшать мирному шествію народа къ царю.

Круги Петербургской интеллигенціи

волновались отовсюду доходившими сообщеніями о намѣреніи рабочихъ итти къ царю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 8-го Января уже кое гдѣ передавались смутные слухи, будто правительство готовится встрѣтить рабочихъ пулями, и войскамъ уже разданы боевые патроны. На Путиловскомъ заводѣ тоже слышали о созывѣ войскъ, но наивно полагали, что на Дворцовой площади готовится парадъ, нисколько не препятствующій торжественному шествію рабочихъ съ петиціэй. 8-го числа вечеромъ представители Петербургской интеллигенціи собрались для обсужденія какихъ нибудь мѣръ въ предотвращеніе ужаснаго кровопролитія. Рабочіе требовали, чтобы въ крайнемъ случаѣ царь принялъ въ Царскомъ Селѣ депутацію отъ рабочихъ, но подлинную, ими выбранную, съ Гапономъ во главѣ, для личнаго свиданія съ царемъ.

Было уже поздно и почти никто изъ присутствовавшихъ на собраніи не обольщался чрезмѣрными надеждами. Но не сдѣлать никакой попытки къ устраненію

готовящагося конфликта казалось нравственно невозможнымъ. Собраніе избрало изъ своей среды депутацію (въ которую вошли: Анненскій, Гессенъ, Горькій, Кедринъ, Мякотинъ, Пѣшехоновъ и Семевскій), которая отбросивъ, въ виду исключительности положенія, обычный этикетъ, отправилась въ 12 часовъ ночи къ Святополкъ-Мирскому и Витте, чтобы лишній разъ предупредить ихъ о мирномъ характерѣ предполагаемаго обращенія рабочихъ къ царю и о той громадной отвѣтственности, какую возьметъ на себя правительство, встрѣтивъ рабочихъ безпричиннымъ насиліемъ... Святополкъ-Мирскаго депутація не застала дома. Его товарищъ, генералъ Рыдзевскій, взялся только передать министру слова депутаціи.

Витте принялъ депутацію, но отказался что либо сдѣлать, говоря, что правительству извѣстны всѣ факты, и что лично онъ безсиленъ.

Ночью городъ, безъ предупрежденія объ этомъ жителей, былъ фактически

поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска, въ отдѣльныхъ частяхъ города были устроены штабы съ походными кроватями, гдѣ офицеры въ шинеляхъ пили чай, курили и весело болтали, какъ герои въ ожиданіи предстоящаго сраженія. Были заранѣе снаряжены кареты Краснаго — Креста. Офицерамъ предоставлено было высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Эту тревожную ночь всѣ провели въ неизвѣстности.

Никто въ обществѣ не надѣялся, что Николай II приметъ довѣрчиво идущихъ къ нему рабочихъ, но не допускали въ мысляхъ и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые розыгрались. Думали только, что войска своей массой, въ крайнемъ случаѣ прибѣгая къ холодному оружію, не пропустятъ рабочихъ къ центру города. Петербурская интеллигенція наивно не знала, что большинство гвардейскихъ офицеровъ уже потеряло обликъ человѣческій. Она не измѣряла, какъ слѣ-

дуетъ, и численности рабочей массы, готовой принести свою жизнь „въ жертву для изстрадавшейся Россіи", какъ говорилось въ петиціи.

Свои требованія рабочіе формулировали въ слѣдующей петиціи, пересланной отцомъ Гапономъ Николаю II. Эта петиція, составленная весьма трогательно и характерно, по мнѣнію рабочихъ, должна была убѣдить Николая II.

Вотъ этотъ историческій документъ:

ГОСУДАРЬ!

„Мы рабочіе города С.-Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители —пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душатъ деспотизмъ и произволъ, и мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда

лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногаго просимъ; мы желаемъ только того, безъ чего жизнь не жизнь, а каторга, вѣчная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды; но намъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаетъ законъ. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочихъ часовъ до восьми въ день, устанавливать цѣну на нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода; увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до 1 рубля въ день; отмѣнить сверхурочныя работы; лѣчить насъ внимательно и безъ оскорбленій; устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить тамъ смерть отъ сквозняковъ, дождя и снѣга.

Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, противозаконнымъ, всякая наша просьба— преступленіемъ, а наше желаніе улучшить наше положеніе — дерзостью, оскорбленіемъ для нашихъ хозяевъ.

Государь! Насъ здѣсь больше трехъ сотъ тысячъ — и все это люди по виду, только по наружности; въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку. Караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу, — пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка—значитъ совершить тяжкое преступленіе.

Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? И развѣ можно жить при такихъ законахъ? Не лучше-ли умереть — умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь! И это насъ собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому совершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобою и твоимъ народомъ,—и пусть онъ правитъ стра-

ной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ; къ намъ оно не доходитъ, — мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы; онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ насъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только и извѣстны его нужды.

Не отталкивай же его помощь, прими его - повели немедленно сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Тутъ пусть будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель,—пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія; а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ—это самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все; это

главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго, эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, государь, о нихъ. Необходимы:

I. Мѣры против невѣжества и безправія русскаго народа:

1. Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи.

2. Общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

3. Отвѣтственность министровъ предъ народомъ и гарантія законности управленія.

4. Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

5. Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа.

1. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ, прогрессивнымъ и подоходнымъ налогомъ.

2. Отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земель народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1. Охрана труда закономъ.

2. Свобода потребительно - производительныхъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ.

3. 8-ми часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

4. Свобода борьбы труда съ капиталомъ.

5. Участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроэкта о государственномъ страхованіи рабочихъ;

6. Нормальная заработная плата.

Вотъ, государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти и не зачѣмъ.

У насъ только два пути — или къ свободѣ и счастію, или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ, мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти, пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее“.

Съ ранняго утра 9 Января городъ принялъ характеръ военнаго лагеря. По всѣмъ направленіямъ шли полки кавалеріи и пѣхоты, артиллеріи, походные лазареты, кухни. Шла вся гвардія. Казаки конвоя „Его Величества“ (красные) и атаманскіе (синіе). По направленію ко всѣмъ окраинамъ были отправлены кавалерія и пѣхота. Площадь Зимняго дворца была окружена артиллеріей, кавалеріей и пѣхотой. На всѣхъ главныхъ перекресткахъ, на Лиговкѣ, на Дегтярной, на Сѣнной, на Михайловской и т. д. были расположены войска.

Въ Невскомъ районѣ къ 9 часамъ собралась огромная толпа народа. Улицы также кишѣли рабочими. Ровно въ 9 часовъ толпа двинулась, разстянувшись версты на двѣ. Пройдя верстъ полторы, она была встрѣчена заставой изъ 120 казаковъ. Часть была спѣшившись, часть сидѣла на коняхъ со сверкавшими на солнцѣ саблями. Толпа остановилась. Образовался плотный заторъ изъ тысячъ пяти. Остальные растянулись позади.

Изъ толпы вышли рабочіе и начали просить офицера пропустить, на что офицеръ отвѣтилъ: „никакъ невозможно, разойдитесь!“ Долго длились переговоры.

Одинъ старикъ бросился на колѣни и сталъ раздирающимъ душу голосомъ просить солдатъ пропустить ихъ, призывалъ не стрѣлять; указывалъ, что они сами были и будутъ рабочими. Когда ничто не помогло, онъ бросился къ толпѣ на колѣняхъ и призывалъ всѣхъ умереть, исполнить клятву. Одинъ моментъ запѣли даже „Коль славенъ“, но это было прекращено во время. Разстояніе между войсками и толпой было такое незначительное, что размахивая саблями, казаки, стоя неподвижно, ранили трехъ человѣкъ. Когда казалось, что вотъ, вотъ казаки бросятся, вся толпа легла на землю. Наконецъ, офицеръ велѣлъ стрѣлять—и было дано три залпа. Всѣ упали, но никто не былъ раненъ. Очевидно, либо залпы были холостые, либо роздано лишь немного боевыхъ патроновъ, и солдаты стрѣляли вверхъ. Впечатлѣніе отъ

залповъ получилось удручающее. Толпа не рѣшалась броситься впередъ, видя штыки и сабли, и начала поддаваться обратно. Такъ продолжалось около часу. Можно было ожидать еще залповъ. Офицеръ однако своимъ правомъ не воспользовался и лишь стоялъ на томъ же мѣстѣ. Тогда рѣшено было итти окольными путями; многіе бросились впередъ на Неву, и огромное большинство пробралось въ городъ.

Что касается другихъ районовъ, то за Нарвской заставой толпа шла съ иконами, хоругвями, имѣя во главѣ Гапона и еще одного попа. Произошли тамъ, какъ и за Невской заставой, переговоры съ солдатами и офицеромъ, а затѣмъ пальба. Выступилъ одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, сказалъ рѣчь, и оба были убиты. Дано было всего 5 боевыхъ залповъ. Гапонъ упалъ, но не былъ даже раненъ, его унесли и спрятали.

Тоже самое происходило приблизительно во всѣхъ районахъ: стрѣляли

въ толпу, шедшую съ Петербургской стороны къ Троицкому мосту. Стрѣляли у Литейнаго моста и на Васильевскомъ Островѣ. Всюду кромѣ Невскаго района, офицеры воспользовались своимъ правомъ стрѣлять боевыми патронами, и всюду было много убитыхъ. Нигдѣ толпа не оказывала сопротивленія, кромѣ Васильевскаго Острова, гдѣ рабочіе устроили баррикады, предварительно разгромивъ оружейный магазинъ.

Въ городѣ между тѣмъ происходило нѣчто неописуемое. Съ 12 часовъ толпы рабочихъ пробрались на Невскій, и такъ какъ ихъ не пускали на площадь, то они заполнили Невскій до Полицейскаго моста, Гороховую, Морскую, Адмиралтейскую, Александровскій садъ, Мойку. Кромѣ того, густыя толпы рабочихъ вмѣстѣ съ другими ходили по Невскому и образовали огромные заторы на всѣхъ мостахъ, на перекресткахъ, на Казанской площади, на Садовой, въ Гостиномъ дворѣ. Невскій, Морская и площадь были покрыты войсками; ежеминутно

наскакивали казаки, толпа разбѣгалась, чтобы снова сойтись. Вездѣ тишина, ни одного возгласа. И вотъ въ бѣшенствѣ передъ этой непоколибимо спокойной, несдвигаемой лавиной, которая не выходила изъ себя, не бросалась, а спокойно ждала депутацію, будучи увѣрена, что „слуги царя не допускаютъ, а царь то хочетъ“—и не уходила, офицеры начали стрѣлять. Безъ предупрежденія былъ данъ рожокъ-сигналъ.

Никто ничего не понялъ, до того невѣроятно было, чтобы стрѣляли. Раздались три залпа и стоны огласили воздухъ. Раненные первымъ залпомъ добивались вторымъ. Раздались проклятія, плачъ. Толпа обезумѣла, бросилась на солдатъ, но встрѣчала штыки и отходила. Нѣсколько сотенъ людей падаютъ. Большинство-дѣти, женщины, молодежь.

Въ 5 часовъ толпа была уже разстерзана, разбита, отброшена. Женщины, дѣти, обѣзумѣвъ, бѣгутъ, скользятъ, падаютъ, встаютъ, чтобы упасть опять.

Опять команда, опять валятся жертвы, Расправа была безпощадна.

Потянулась печальная процессія убитыхъ и раненныхъ по Гороховой. Никакихъ мѣръ не было принято, не было каретъ скорой помощи; трупы и раненные лежали часами въ саду и на улицахъ, пока ихъ не убирали изъ публики же. Снѣгъ былъ покрытъ кругомъ кровью·

Передъ первыми выстрѣлами нѣсколько рабочихъ бросились впередъ и раскрыли свою грудь передъ дулами. Они были убиты. Затѣмъ бойня быстро пошла впередъ. Та же рота, подъ руководствомъ капитана Свѣцинскаго (былъ раненъ во время убійства Плеве), стала на углу Морского и Невскаго и дала въ мирную, не ожидавшую ничего толпу, три залпа. Снова раненные и убитые...

На углу Мойки и Невскаго, у дома Строганова, стояла огромная толпа, прибитая, жалкая. По ту сторону стоялъ взводъ; офицеръ первый выстрѣлилъ изъ револьвера, — „пли!“ и тремя залпами онъ очистилъ Мойку. 25 человѣкъ оста-

лись лежать: среди нихъ старикъ, затѣмъ двѣ пожилыя дамы, студентъ и рабочіе. Убивались сѣдоки на извозчикахъ, убивались извозчики. Несмотря на выстрѣлы, толпа все же не расходилась; въ 7 часовъ вечера еще раздавались залпы на Казанской площади, на Сѣнной.

Много, много было жертвъ. Весь вечеръ не прекращалось скопленіе публики. До поздней ночи казаки, не переставая, наѣзжали на тротуары и били саблями.

На Васильевскомъ островѣ рабочіе устроили на скорую руку баррикаду. Но она была взята первымъ натискомъ войскъ. И здѣсь также число убитыхъ и раненныхъ было значительно.

Весь городъ имѣлъ видъ осажденнаго. Магазины, рестораны, театры, — все закрыто и на второй день. Правительственныя учрежденія закрылись, потому что чиновники разбѣжались. Разнесся слухъ, что рабочіе хотятъ взорвать всѣ присутственныя мѣста.

Судъ запертъ; адвокаты объявили,

что не могутъ защищать, когда кругомъ льется кровь. Вечеромъ на улицахъ темно. Электричество горитъ только въ немногихъ кварталахъ. Жителямъ центральныхъ частей предложено не выходить изъ дому послѣ того, какъ будутъ погашены огни. Но и днемъ выходить опасно. Стрѣльба то разгорается, то смолкаетъ по всему городу.

Въ это „кровавое воскресенье" царское правительство убило наивную вѣру народа въ царя. Оно въ излишней самоувѣренности хотѣло пулями запугать рабочую массу и стрѣляло безъ всякой надобности. Оказалось, что народъ не испугался выстрѣловъ, но только еще болѣе озлобился и возгорѣлъ ненавистью не только къ бюрократіи, но и къ самому царю. Зажигательныя письма Гапона къ народу, призывающія къ борьбѣ противъ „звѣря царя" и его „шакаловъ министровъ", разошлись по всей странѣ, будя злобу и ненависть и подымая всѣ слои общества на безпощадную войну

противъ монарха со всѣмъ его „августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ“.

Посланіе къ войскамъ.

Солдатамъ и офицерамъ, убивавшимъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, и всѣмъ угнетателямъ народа, —мое пастырское проклятіе; солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы—мое благословеніе. Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить неповинную народную кровь, разрѣшаю.

Георгій Гапонъ 9 Января, 12 ч. ночи.

Посланіе къ рабочимъ.

Родные товарищи рабочіе! Итакъ, царя нѣтъ. Неповинная кровь легла между нимъ и народомъ. Да здравствуетъ же начало народной борьбы за свободу! Благословляю васъ всѣхъ. Сегодня же буду у васъ. Сейчасъ занятъ дѣломъ.

О. Георгій.

Посланіе къ рабочимъ.

Родные товарищи рабочіе! Неповинная народная кровь пролилась! Затаимъ

же чувство злобы и мести къ звѣрю царю и его шакаламъ министрамъ. И, вѣрьте, близокъ тотъ день, когда рабочая рать болѣе грозная, болѣе сознательная встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, встанетъ за свою свободу, за свободу всей Россіи. Не плачьте же по погибшимъ героямъ, утѣшитесь: мы разбиты, но не побѣждены. Разорвемъ лучше всѣ портреты кровопійцы — царя и скажемъ ему: да будешь ты проклятъ со всѣмъ своимъ августѣйшимъ змѣинымъ отродьемъ!

Свящ. Георгій Гапонъ, 9 Января 1905 г.

Письмо къ Николаю Романову, бывшему царю и настоящему душегубцу Россійской Имперіи.

Съ наивной вѣрой въ тебя, какъ въ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего же народа.

Ты долженъ былъ знать, ты зналъ это.

Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей — малолѣтокъ, навсегда легла между тобою, о душегубецъ, и русскимъ народомъ. Нравственной связи у тебя съ нимъ никогда уже быть не можетъ. Могучую же рѣку сковать во время ея разлива никакими полумѣрами,

даже въ родѣ Земскаго Собора, ты уже не въ силахъ.

Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовый надъ твоимъ отродьемъ и грабителями безправнаго люда, народное вооруженное возстаніе, все это должно быть и будетъ непремѣнно. Море крови, какъ нигдѣ, прольется.

Изъ за тебя, изъ за твоего всего дома Россія можетъ погибнуть. Разъ навсегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорѣй со всѣмъ своимъ домомъ отъ русскаго престола и отдай себя на судъ русскому народу. Пожалѣй дѣтей своихъ и Россійскія страны, о ты предлагатель мира для народовъ, а для своего — кровопійца. Иначе, вся имѣющая пролиться кровь на тебя да падаетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ.

Георгій Гапонъ.

P. S. Знай, что письмо это оправдательный документъ грядущихъ революціонно-террористическихъ событій въ Россіи.

Георгій Гапонъ.

20 (7) февраля 1905 г.

Письмо это въ подлинникѣ авторомъ отправлено царю.

КОНЕЦЪ САМОДЕРЖАВІЯ

И

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ

КОНЕЦЪ САМОДЕРЖАВІЯ
И
ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ

Николаю II-му 9-го Января давалась возможность надолго укрѣпить свое положеніе въ государствѣ и создать для своей династіи прочный фундаментъ въ народномъ сознаніи. Если бы онъ вышелъ къ народу, устремившемуся къ нему, если бы онъ сказалъ нѣсколько словъ и обѣщалъ бы смягчить участь народныхъ массъ, народъ отнесся бы къ нему съ новымъ довѣріемъ и любовью. Но вмѣсто этого царь погубилъ самодержавіе, искоренилъ народную вѣру въ себя и вызвалъ революцію. Нѣтъ худа

безъ добра. Хотя революція потребуетъ много крови и много жертвъ, но всякій истинный другъ народа встрѣтитъ ее съ радостью.

Свобода, данная народу сверху, непрочна; народъ не такъ цѣнитъ ее. Свобода же, завоеванная кровью, становится прочнымъ достояніемъ народа и твердымъ залогомъ дальнѣйшаго прогресса.

Петербургскія событія произвели сильное впечатлѣніе по всей Россіи. Начались небывалыя массовыя забастовки, сопровождаемыя кровавыми столкновеніями съ войсками и охранителями „порядка"... Едва ли былъ какой нибудь болѣе или менѣе значительный центръ, не имѣвшій своей забастовки, демонстраціи. Эти событія будили къ сознательной жизни новые слои населенія; „долой самодержавіе!", „долой царя!" сдѣлались народными лозунгами.

Не остановилъ агитаціи пріемъ Николаемъ 19 Января въ Царскомъ Селѣ подобранной депутаціи отъ рабочихъ. Коммиссія Шидловскаго также не уда-

лась, такъ какъ сознательные рабочіе отказались участвовать въ этой комедіи, не желая своимъ сотрудничествомъ дать лишній козырь въ руки самодержавія.

Убійство, 4 февраля, московскаго генералъ-губернатора великаго князя Сергѣя Александровича членомъ боевой организаціи Каляевымъ произвело на царя сильное впечатлѣніе и заставила его пойти на уступки.

Сергѣй Александровичъ былъ одною изъ выдающихся личностей въ Имперіи. Вліяніе его на Николая и на событія послѣдняго царствованія общеизвѣстно въ Россіи. Когда въ Государственномъ Совѣтѣ или въ Императорскомъ Дворцѣ разбирался какой нибудь вопросъ государственной или династической важности, то непремѣнно требовался совѣтъ Великаго князя Сергѣя. Его вліяніе на императора исходило частью изъ его личной самоувѣренности, догматической непреложности и приверженности самодержавію, казавшейся безкорыстной, — частью же изъ родственнаго положенія,

такъ какъ супруга его—сестра царицы.

Слѣдуетъ признать, что великій князь Сергѣй былъ вполнѣ послѣдователенъ. Онъ былъ головой той реакціонной партіи, которая рѣшилась поддерживать самодержавіе во что бы то ни стало.

Итакъ, убійство Сергѣя Александровича сбило съ толку и безъ того не сильнаго умомъ самодержца Николая.

18 февраля утромъ появляется манифестъ, а вечеромъ рескриптъ, составляющій прямую противоположность первому. Заграничныя свѣдѣнія даютъ объ этомъ слѣдующія подробности: Манифестъ былъ составленъ Побѣдоносцевымъ и опубликованъ помимо вѣдома министровъ. Министры были оскорблены, и всѣ рѣшились отправиться въ Царское Село съ цѣлью представленія царю всей невозможности положенія министровъ, безъ вѣдома которыхъ выпускаютъ въ свѣтъ подобные акты.

Въ тотъ же день министры были въ Царскомъ Селѣ и заявили государю, что

необходимо немедленно выпустить рескриптъ, проэктъ котораго уже обсуждался ими раньше. Императоръ отвѣтилъ, что для успокоенія умовъ достаточно одного манифеста, и что нѣтъ нужды торопиться рескриптомъ. На это новый министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ заявилъ, что положеніе въ провинціи очень тревожное; въ субботу и воскресенье ожидаются безпорядки въ Петербургѣ. Въ виду всего этого необходимо обнародовать рескриптъ, уже утвержденный въ принципѣ недѣлю тому назадъ. Иначе могутъ произойти очень важныя событія. Послѣ долгихъ споровъ царь прочелъ рескриптъ. Нѣкоторые министры замѣтили, что лучше бы сдѣлать изъ него манифестъ.

„Нѣтъ, отвѣтилъ царь, манифестъ уже вышелъ утромъ, Этого довольно“. Потомъ подумалъ немного и добавилъ: „въ сущности, зачѣмъ такъ спѣшить съ этимъ рескриптомъ? Можно еще подождать!“

Тогда Булыгинъ рѣшительно заявилъ,

что положеніе настолько натянуто, что если рескриптъ не будетъ обнародованъ, онъ не ручается за общественное спокойствіе. Всѣ министры его поддержали и Коковцевъ прибавилъ, что финансовыя соображенія тоже требуютъ опубликованія этого документа. Послѣ нѣкотораго колебанія царь взялъ рескриптъ и подписалъ его. Манухинъ поскорѣе захватилъ документъ и уѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Только тогда, когда листки съ рескриптомъ стали продаваться на улицахъ, министры вздохнули свободнѣе. Они все ждали, что царь возьметъ свое согласіе обратно.

Выработку основъ народнаго представительства, не идущихъ въ разрѣзъ съ интересами самодержавія, царь поручилъ Булыгину. Послѣдній пытался отклонить отъ себя эту честь. И не только онъ, но и всѣ присутствующіе были смущены приказомъ царя. Ибо указъ 12 декабря поручилъ разработку всѣхъ реформъ комитету министровъ, и изъятіе вопроса о созывѣ представи-

телей изъ компетенціи комитета было бы смертельнымъ ударомъ для этого учрежденія и ея представителя Витте.

Но на слова Булыгина, что есть много лицъ, гораздо болѣе его способныхъ руководить подготовкой этой реформы, царь отвѣтилъ такой рѣзкой критикой поведенія своихъ совѣтниковъ, что у нихъ дыханіе захватило. Булыгинъ непримиримый врагъ народнаго представительства—и очевидно, отъ него ждутъ, что онъ уничтожитъ всю суть реформы и оставитъ только ея тѣнь.

Но событія быстро слѣдовали одни за другими. За весенними рабочими волненіями послѣдовало возмущеніе на броненосцѣ „Князь Потемкинъ", гдѣ только несвоевременно вспыхнувшій бунтъ помѣшалъ возмущенію всего черноморскаго флота.

Уничтоженіе русскаго флота при Цусимѣ, Мукденское пораженіе, всевозможные съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей мало повліяли на Булыгинскую коммиссію — и „конституція 6 Августа"

никого не удовлетворила. Все это хитросплетеніе, направленное къ устраненію рабочихъ, крестьянъ и интеллигентовъ отъ участія въ выборахъ, было рѣшительно отвергнуто всѣми революціонными партіями и „Союзомъ союзовъ", нейтральной организаціей, требовавшей демократическихъ реформъ. Въ виду согласія либераловъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, принять участіе въ выборахъ въ Государственную Думу согласно Булыгинской конституціи, вышесказанныя партіи рѣшили начать агитацію за бойкотъ Думы и за всеобщую политическую забастовку. Въ революціонной прессѣ началъ дебатироваться вопросъ о вооруженномъ возстаніи.

7-го Октября 1905 года было рѣшительнымъ днемъ; началась забастовка на московскихъ желѣзныхъ дорогахъ. 8 Октября служащіе петербургскаго желѣзнодорожнаго узла рѣшили приступить къ организаціи всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза съ тѣмъ, чтобы предъявить впослѣдствіи правительству

ультиматумъ и поддержать свои требованія забастовкой. 9 Октября съѣздъ делегатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ формулируетъ и разсылаетъ по телеграфу общіе лозунги желѣзнодорожной забастовки: восьмичасовой рабочій день, гражданскія свободы, амнистію политическихъ заключенныхъ и учредительное собраніе.

Забастовка разростается съ неудержимой силой. Она разсылаетъ по телеграфу свои приказы, — и пролетаріатъ во всѣхъ углахъ Россіи съ энтузіазмомъ повинуется ея указаніямъ. Экономическая жизнь страны замираетъ, двигательные нервы государственнаго организма коченѣютъ. Прекращается движеніе на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Ходятъ только поѣзда, перевозящіе делегатовъ рабочихъ изъ одного города въ другой.

Телеграфное сообщеніе прерывается; почта отказывается отъ пріема иногородней корреспонденціи.

Цѣны на товары и всѣ съѣстные

припасы быстро поднимаются. Биржа трепещетъ, всѣ акціи быстро падаютъ, платежи не поступаютъ, — нарушилась вся система хозяйственнаго оборота. Забастовка мало-по-малу охватываетъ жизнь.

Повсюду организуются колоссальные митинги. Напряженіе массы и растерянность властей растутъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло доходитъ до кровавыхъ столкновеній съ полиціей и войскомъ.

Страшное напряженіе, охватившее всю страну, растерянныя донесенія изъ провинціи, полная неизвѣстность относительно завтрашняго дня, все это создало невѣроятную панику въ правительственныхъ рядахъ. Увѣренности въ арміи не было, такъ какъ на митингахъ появлялись солдаты и офицеры. При этомъ забастовка сильно затрудняла усмиреніе, такъ какъ войско должно было бы передвигаться изъ одного города въ другой пѣшкомъ.

Къ этому прибавились невиданные

до сихъ поръ аграрные безпорядки. Крестьяне сжигали помѣщичьи постройки, рѣзали скотъ. Безпорядки вспыхнули одновременно на такомъ громадномъ протяженіи, что не было возможности ихъ остановить.

Сбитое съ толку и потерявшее голову самодержавіе пошло на уступки. — Это было начало конца самодержавію.

Въ ночь съ 17 на 18 октября былъ обнародованъ царскій манифестъ, обѣщавшій народу непоколебимыя основанія гражданской свободы, неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Далѣе манифестъ обѣщалъ дать избирательныя права въ Государственную Думу и тѣмъ слоямъ населенія, которые были лишены этого права. Кромѣ того Государственной Думѣ предоставлялись законодательныя функціи въ томъ смыслѣ, что ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы безъ утвержденія Государственной Думы.

Манифестъ о конституціи всколыхнулъ всѣ общественныя силы. На ули-

цахъ были расклеены обѣщанія неприкосновенности личности, свободы слова, свободы союзовъ. Свободы печати и стачекъ правительство въ манифестѣ не обѣщало, и Витте потомъ уже объяснялъ, что эти свободы „подразумѣваются сами собою“. — Само собою подразумѣвалось также, что всѣ обѣщанныя свободы должны были только помочь правительству успокоить взволнованную страну, а затѣмъ подразумѣвалось, что и правительство оставляетъ себѣ одну и самую важную свободу, дать вмѣсто конституціи „комбинацію изъ трехъ пальцевъ“. Такъ и развивались событія. Первая Дума была распущена, и большая часть членовъ ея, сильныхъ въ качественномъ отношеніи, переведены изъ креселъ Таврическаго Дворца на скамью подсудимыхъ.

Вторую Думу просто разогнали, когда оказалось, что и она гладитъ правительство противъ шерсти. Члены ея переведены въ тюрьмы и болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Сибири.

Третья Дума еще засѣдаетъ, но время

отъ времени появляются слухи о ея распущеніи...

Самодержавіе—въ предсмертной агоніи. Николай II будетъ отмѣченъ въ исторіи, какъ логическая необходимость, такъ какъ такой безхарактерный владыка и нуженъ былъ для того, чтобы ускорить паденіе вѣковыхъ цѣпей самодержавной вакханаліи. Народъ еще стонетъ подъ гнетомъ своихъ жестокихъ и недальновидныхъ правителей, но день свободы теперь уже не такъ далекъ.

Не мудрено, что близорукій Николай и этого не видитъ.

Онъ хочетъ умереть вѣнценоснымъ царемъ. Но намъ думается, что съ нимъ вмѣстѣ умретъ и вѣнценосное царство произвола.

Будетъ на Руси скоро новое царство: царство законности и свободы!

КОНЕЦЪ.

5

LES ROMANOFF
ET LES DESSOUS ◇ ◇ ◇
DE LA COUR IMPERIALE
DE RUSSIE ◇ ◇ ◇ ◇ ◇ ◇

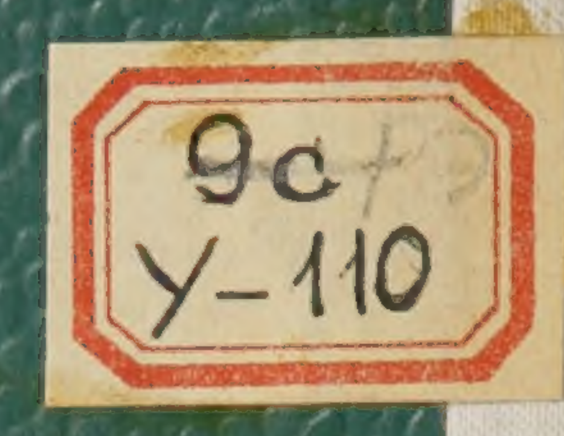
КНЯЗЬ У...

ГОСПОДА
РОМАНОВЫ
И ТАЙНЫ
РОССІЙСКАГО ДВОРА

I РОМАНОВЫ	II ГОЛЬШТЕЙНЫ (тоже Романовы)
МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. — АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. — ѲЕДОРЪ (III) АЛЕКСѢЕВИЧЪ. — ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. — ЕКАТЕРИНА I.—ПЕТРЪ II. —АННА ІОАННОВНА.—ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.	ПЕТРЪ III. — ЕКАТЕРИНА II. — ПАВЕЛЪ I. — АЛЕКСАНДРЪ I.—НИКОЛАЙ I.— АЛЕКСАНДРЪ II. — АЛЕКСАНДРЪ III. — НИКОЛАЙ II.—ВЕЛИКІЯ КНЯЗЬЯ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ДЛЯ КОНТИНЕНТА
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КЛЕЙДМАНА
NICE 7, RUE COTTA.

PRIX
Frans....... 7,50
Marks....... 6,50
Couronnes.. 7,50

9c
Y-110